

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Направление «Филология»

Образовательная программа

"Отечественная филология (русский язык и литература)"

Басова Елена Игоревна

РОМАН В. НАБОКОВА «ПНИН»

Выпускная квалификационная работа на соискание степени бакалавра

Научный руководитель: д. ф. н., проф. Аверин Борис Валентинович

Рецензент: к. ф. н., доц. Тимофеев Валерий Германович

Санкт-Петербург

2017

Содержание

Введение	3
..	
Глава I. Критика и литературоведение о романе «Пнин»	6
Глава II. «Пнин» и The New Yorker	19
2.1. История создания романа «Пнин»	19
2.2. Сравнение журнальной и книжной версии	21
Глава III. Мотивы болезни, смерти и воспоминания в романе	28
Глава IV. Концепт времени в романе «Пнин»	41
4.1. Линейное, циклическое и «чистое время»	41
4.2. «Пнин» и идея четвертого измерения	47
Заключение	52
..	
Список использованной литературы	55

Введение

В 1955 году В. Набоков завершает свою работу над романом «Пнин» и решает отправить рукопись в издательство Viking Press. Прежде отдельные главы романа публиковались в журнале *The New Yorker*, и теперь были бы объединены в одном цельном произведении. Однако, предложение Набокова было встречено отказом. Издатели мотивировали это тем, что роман слишком короткий. К тому же, не было замечено то единство глав, ради которого первая журнальная версия романа была изменена¹. Роман не раз подвергался критике за то, что он распадается на отдельные части и был воспринят поверхностно.

Из-за этого исследователи (например, Jullian W. Connolly², Charles Nicol³, Г. Барабтарло⁴) или не уделяют должного внимания роману, считая его слишком простым, или затрагивают лишь его отдельные аспекты.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью нового прочтения романа, которое бы затронуло не только вопросы структуры, но и философскую основу «Пнина». Комментирование романа с точки зрения идей Анри Бергсона, Л. Карсавина, Л. Шестова позволило бы взглянуть на «Пнина»

¹ Роупер Р. Набоков в Америке. По дороге к «Лолите» / перев. с англ. Ю. Полещук. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2017. С. 210.

² Julian W. Connolly «Pnin: The Wonder of Recurrence and Transformation» // Nabokov Fifth Arc. / ed. By J.E. Rivers and Charles Nicol, Austin: University of Texas Press, 1982, pp. 195-210.

³ Nicol C. Pnin's History // Novel: A Forum on Fiction. Duke University Press, 1971. Т. 4. №. 3. pp. 197-208.

⁴ Barabtarlo G. Phantom of fact : A guide to Nabokov's Pnin. Ann Arbor: Ardis, 1989.

как на произведение с глубоким содержанием, которое не уступает «Лолите», «Защите Лужина» и другим, более популярным у читателей и исследователей романам В. Набокова.

В данной работе мы попытаемся опровергнуть обвинения в адрес романа и доказать, что «Пнин» представляет собой внутренне цельное произведение, главы которого объединены не только единственным главным героем и недоразумениями, с ним происходящими, но и темой времени.

Цель - комплексное исследование романа В. Набокова. Таким образом, мы частично заполним те пробелы, которые возникают при обобщении всех научных работ о «Пнине» и затронем те проблемы, которые ранее не были освещены.

Предметом нашего исследования стал роман «Пнин» в оригинальной версии на английском языке, отдельные главы, опубликованные в журнале The New Yorker, и перевод романа на русский язык, выполненный Г. Барабтарло. Мы сознательно отошли от перевода С. Ильина, который входит в собрание сочинений В. Набокова, так как Г. Барабтарло - один из основных исследователей романа, на работы которого мы будем неоднократно ссылаться.

Объект исследования - проблема цельности и тема времени в романе «Пнин».

Для доказательства выдвинутой гипотезы о цельности романа и связанной с ним темой времени, мы поставили перед собой следующие **задачи**:

1. Сделать обзор критики и исследовательской литературы.
2. Сравнить журнальную и книжную версию романа, особое внимание уделяя хронологии теме времени.
3. Проанализировать роман с точки зрения философских концепций, которые оказали влияние на Набокова к моменту создания романа.

Данное исследование состоит из 4 частей.

Первая часть «Критика и литературоведение о романе «Пнин» посвящена обзору основных исследовательских работ о романе. Мы постараемся показать, что некоторые аспекты романа (например его философская основа) не были

должным образом отражены ни в научной литературе, ни в критических статьях или отзывах читателей.

Во второй части мы обратим внимание на историю создания романа и публикацию его отдельных глав в журнале *The New Yorker*. Найденные нами отличия между журнальной и книжной версией должны указать на те детали, которые были важны для Набокова при подготовке финальной публикации «Пнина» как цельного произведения.

Глава «Мотивы болезни, смерти и воспоминания в романе» представляет собой попытку анализа мотивной структуры «Пнина». Мы будем исходить из определения мотива, данного Томашевским: «темы мелких частей произведения, которые уже нельзя более дробить».⁵ Также обратимся к работам Л. Карсавина и Л. Шестова и прокомментируем роман с точки зрения их философии.

Завершающая глава целиком посвящена теме времени в романе «Пнин». Мы рассмотрим концепцию времени А. Бергсона, линейное, циклическое и «чистое время». Кроме того, коснемся отображения в романе идеи четвертого измерения.

В ходе работы были использованы описательный, герменевтический, сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический методы.

Выводы, сделанные в данной работе, могут быть полезны для специалистов при составлении изданий, посвященных жизни и творчеству В. Набокова, и как дополнение при комментировании романа «Пнин».

⁵ Томашевский Б. Поэтика: Краткий курс. М., 1996, с.71.

Глава I. Критика и литературоведение о романе «Пнин»

«Пнин» - не самый популярный роман у набоковедов, однако и он за 60 лет своего существования стал объектом исследования для множества научных статей и нескольких крупных монографий, большая часть которых (видимо в силу происхождения романа) опубликована за рубежом и принадлежит американским исследователям. Объем литературы значительно сокращается из-за того факта, что некоторые из научных статей (одна или даже несколько) переросли в более крупные монографии или были дополнены и исправлены при более поздней публикации.

В основном большинство исследовательских работ, которые касаются лишь отдельных проблем романа, опубликованы в различных сборниках о жизни и творчестве Набокова. Однако, существует отдельная монография, полностью посвященная исследованию романа и комментарию к нему. Это опубликованная в 1989 году книга Г. Барабтарло «The Fantom of Fact: A Guide to Nabokov's «Pnin»⁶, которая представляет собой его докторскую диссертацию и состоит из 3 больших частей.

Первая часть представляет собой отдельные замечания о романе: истории его создания, хронологии, персонажах (которых по его подсчетам в романе более 300) и структуре. Содержание этой части практически полностью

⁶ Barabtarlo G. Phantom of fact : A guide to Nabokov's Pnin.

повторяется в главе «Разрешенный диссонанс» из его книги «Сочинение Набокова». (До этого отдельные замечания о романе были представлены журналах *The Nabokovian*⁷ и *The Vladimir Nabokov Research Newsletter*⁸). Большую часть исследования занимает решение загадки, состоящее в запутанных отношениях между повествователем N. и Тимофеем Пниним. После появления N. на страницах романа в качестве героя, все его рассказы начинают опровергаться Пниним, что окончательно запутывает читателя. Например, сомнению подвергается дата их знакомства (192... или 1911 год?). Всезнающий повествователь, который в курсе всех личных переживаний своего героя и его прошлого вдруг оказывается в глупом положении. Выдумал ли N. прошлое Пнина, или это Пнин старательно его скрывает? Но с какой целью? Барабтарло находит разрешение этого противоречия при помощи известной искусственной задачи, которая бы тренировала логику и гибкость ума (**q** включает **r**, но **p** включает, что **q** включает не **r**). Суждение «Пнин познакомился с N. ... году» будет верно при любом значении, даже совместное существование правды Пнина и повествователя будет возможно в рамках романа. Но только при наличии некоего условия **p**. Что же это за условие? Пнин не может постичь того факта, что является персонажем книги N. о нем. Они находятся в разных планах бытия и не могут пересекаться в произведении. Поэтому Пнин уезжает сразу, как только узнает о прибытии N., иначе бы и без того хрупкий мир романа рассыпался бы на наших глазах. Однако и N. в свою очередь тоже создание чужой фантазии. Пнин вынужден совершать бесконечное путешествие по кругу, но он ощущает условие **p**, «способен догадываться о существовании чего-то такого в его жизни, что лишает свободы и тождественной личности»⁹. Иначе говоря, для Барабтарло условие, при котором воспоминания Пнина и повествователя будут одинаково вероятны, - это наличие еще одного уровня текста, в котором существует имплицитный

⁷ Barabtarlo G. Beautiful Soup: Psychiatric Testing in «Pnin» // *The Nabokovian*, Spring 1988, 20, pp. 36-44.

⁸ Barabtarlo G. Calendar in «Pnin» // *The Vladimir Nabokov Research Newsletter*, Spring 1984, 12, pp. 44-50.

⁹ Барабтарло Г. Сочинение Набокова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. С. 226.

автор и читатель. Каждый из героев Набокова, который подходил близко к этой разгадке, заканчивал свою жизнь душевным расстройством или смертью. Но когда Пнин оказывается близок к краю пропасти, заботливая рука автора уводит его на безопасное расстояние.

Отдельную тему этой части исследования Барабтарло составляет композиционный и мотивный анализ «Пнина». Вслед за Charles Nicol¹⁰ он упоминает о кольцевой композиции романа и большинства глав и выделяет 2, по его мнению, основных темы: зеркальных отражений и появления белки (о многочисленных исследованиях мотива которой мы будем говорить в 3 части данной работы).

Основное и наиболее интересное содержание книги «The Fantom of Fact» составляют комментарии к роману. Многие из них представляют собой объяснения к «атрибутам русской культуры», которые, очевидно, могут быть непонятны читателям или упущены исследователями. Это и объяснения топонимов, отсылки к фольклору, произведениям русской (и зарубежной) классической литературы, сопоставления с биографией Набокова. Но основная тема - это те связи между главами, которые начинают проявляться только при многократном перечитывании романа.

Кроме того, Барабтарло обращает внимание на эпизоды или детали, которые отличаются от глав романа, которые были опубликованы в журнале «The New Yorker», но не приводит эти эпизоды целиком и делает никаких выводов о том, почему Набоков все-таки меняет некоторые аспекты в книжной версии.

Третья часть книги состоит из приложений к исследованию. Туда входят, например, графики о процентном соотношении всех цветов, которые представлены в каждой из глав, сведения о флоре и фауне, топонимах, о том, сколько раз какой из персонажей появляется в романе и на какой странице. Наибольший интерес для нас представляет вычисленные Г. Барабтарло даты событий в хронологическом порядке.

¹⁰ Nicol C. Op. cit. pp. 197-208.

В биографии Набокова Б. Бойд тоже посвящает роману «Пнин» отдельную главу. Он пересказывает весь сюжет целиком, делая акцент на том впечатлении, которое Пнин производит на читателя: «Набоков - автор, а не рассказчик - подводит нас к мысли о том, насколько непрочные образы создаем мы из очередного искажения правды, поступаясь при этом своей человечностью»¹¹. Бойд считает, что читатель совершает определенную эволюцию, когда начинает видеть в Пнине не только объект насмешки, но и глубокую личность, полную страданий. Такой же путь мы совершаем от первой главы к последней, когда мы вынуждены отказаться от впечатления реальности прочитанного и признать, что вся предыдущая история лишь выдумка повествователя.

Еще одну попытку толкования (снова вписывая роман в часть биографии автора) делает Ричард Роупер в книге «Набоков в Америке»¹². Делает он это в духе той американской критики, которая встретила «Пнина» в конце 1950-х годов. Много внимания в работе уделяется описанию Америки в романе, отношению Набокова к СССР, сентиментальности повествователя, сравнению с «Лолитой». Причем «Пнин» явно проигрывает: Роупер называет его слишком «простым» и «безыскусным».

Среди работ о романе стоит так же выделить статью Diment G., которая годом позже превратилась в объемное исследование, посвященное одному из возможных прототипов Пнина: «Pniniad: Vladimir Nabokov and Marc Szeftel»¹³. Некоторые критики полагают, что в Пнине Набоков изобразил самого себя, очевидно исходя из параллелей с некоторыми фактами биографии автора (даже зубную боль, о которой пишет в письме к Уилсону, он тоже «подарил» своему персонажу), но нельзя не заметить, что отличий между ними значительно больше. Зато коллега Набокова по Корнельскому университету Марк Шефтель в роли Пнина выглядит куда убедительнее (о чем пишут Б.Бойд и Э.Филд).

¹¹ Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография / перев. с англ. М. СПб.: Издательство «Симпозиум», 2010.

¹² Роупер Р. Указ. соч.

¹³ Diment G. Timofey Pnin, Vladimir Nabokov, and Marc Szeftel // Nabokov Studies. 1996. Т. 3. №. 1. pp. 53-75.

Набоков и Шефтель были абсолютными противоположностями. Шефтель происходил из небогатой еврейской семьи, закончил юридический факультет, жил в Бельгии и Польше. У него были большие проблемы с английским произношением, а внешне он безоговорочно попадал под описание Пнина (который тоже родился в феврале). В Корнеле он появился на три года раньше Набокова, но уже был знаком с его работами и был от них в восторге. Шефтель тоже ранее был известен Набокову благодаря своему исследованию «Слова о полку Игореве» (и здесь снова появляется мотив белки), которая была высоко оценена его коллегой по университету.

Отметим еще несколько статей, чтобы обозначить круг проблем, которые затрагивались исследователями романа:

Повторы в романе посвящена отдельная статья Julian W. Connolly «Pnin: The Wonder of Resurgence and Transformation»¹⁴. Схему романа она представляет в виде спирали или двух симметричных отрезков с 4 главой посередине. Сюжет и мотивы первых трех частей являются зеркальным отражением трех последних.

Продолжает тему повторов статья Пекка Тамми «Поэтика даты у Набокова»¹⁵. Прежде всего он отмечает, что одни и те же даты и цифры используются Набоковым в разных произведениях и связывают один роман в другим, а иногда имеют свой отголосок в реальном мире. «Пнин» оказывается вовлеченным в целый пласт событий, связанных с числом двенадцать/тринадцать и 52 (день рождения Пнина отстает из-за Григорианского календаря, Лолите 13 лет, 13 x 4 рассказа в «Набоковской дюжине, 1952 год – вечер на столетие смерти Гоголя, куда приходит Пнин и так далее). Число 15 января важно для сюжета романа и для нарративной игры, ведь читатель сам должен догадаться, что события одной из глав происходят в день рождения Пнина, важное значение эта дата имеет и для романов «Бледный огонь» и «Ада».

¹⁴ Julian W. Connolly Op. cit. pp. 195-210.

¹⁵ Тамми П. Поэтика даты у Набокова / перев. с англ. М.Маликовой // Старое литературное обозрение. 2001. №1(277).

Существует целый пласт научных работ, посвященный более крупным повторениям – интертекстуальным. Среди них отсылки к «Алисе в Стране чудес»¹⁶ (самый показательный эпизод – чаепитие, который сравнивается с новосельем в 6 главе романа), почти все исследователи обращают внимание на отсылки к сказкам и стихотворениям Пушкина, Жуковского, «Золушке», «Русалочке», «Дон Кихоту», «Улиссу», а некоторые даже к балету Стравинского.¹⁷

Таким образом, можно сказать, что исследователи затронули достаточно широкий круг вопросов, которые роман вызывает у читателя. Однако они не дают ключ к пониманию замысла всего романа в целом. Кроме того, мы не обнаружили работ, которые бы рассматривали «Пнина» на предмет отражения в нем философских и эстетических предпочтений автора.

После выхода скандальной «Лолиты» интерес к творчеству Набокова заметно возрастает. Неудивительно, что публикация «Пнина» была встречена повышенным вниманием читателей. Одна за другой начинают появляться критические статьи о романе.

Только в 1957 году в Америке вышли 77 рецензий на «Пнина»¹⁸. Приведем в пример лишь несколько из них: отзыв газеты *The New York Times*¹⁹, заметка (возможно, одна из первых) в газете *The Cornell Daily Sun*²⁰ от 9 апреля 1957 года и рецензии Виктора Ланге, Кингсли Эмис и Памелы Хэнсворд-Джонсон, опубликованные в книге «Классик без ретуши» под редакцией Н.Г.

¹⁶ Rowe, W. W. *Pnin's Uncanny Looking Glass // A Book of Things about Vladimir Nabokov/ ed. Carl R. Proffer. Ann Arbor, MI: Ardis, 1974. pp. 182-192.*

¹⁷ Senderovich S. Shvarts Y. *The Tongue, That Punchinello: A Commentary on Nabokov's Pnin // Nabokov Studies. 2004. №8. pp. 23-41.*

¹⁸ Барабгарло Г. *Сочинение Набокова. С. 183.*

¹⁹ Poor Ch. *Books Of The Times // The New York Times. March 7, 1957. URL: <http://www.nytimes.com/books/97/03/02/lifetimes/nab-r-pnin.html> (дата обращения: 28.10. 2016).*

²⁰ Chow M. *Pnin: Misplaced Person // The Cornell Daily Sun. URL: <http://cdsun.library.cornell.edu/cgi-bin/cornell?a=d&d=CDS19570409-01.2.19&e=-----20--1> (дата обращения: 28.10.2016).*

Мельникова²¹. В основном, они близки по своему содержанию: в каждой из них отмечается особое очарование «Пнина», русское происхождение героя и юмор, с которым Набоков описывает все неприятности, в которые попадает его персонаж.

Радио «Свобода» (в то время радио «Освобождение»), где в последние годы жизни работал брат Владимира Владимировича – Кирилл Набоков, также одним из первых откликнулось на появление книжной новинки²². На официальном сайте радио можно найти заметку, посвященную 40-летию со дня публикации романа и выпуску передачи, которую посвятили обзору романа.

Если верить официальным данным, радио создавалось Американским комитетом по освобождению от большевизма и функционировало в качестве эмигрантской радиостанции. «Свобода» долгое время была одним из главных пунктов американской разведки в Европе. На радиостанции неоднократно выступали диссиденты и творческая эмиграция. Набокова неоднократно приглашали в студию, для участия в различных передачах и интервью, но так и не получили от него согласия.

Ведущая передачи Екатерина Васильевна Горина, бывшая политзаключенная, которая попала в Европу во время Второй мировой войны, с первых минут акцентирует внимание на том, что Набоков – «сын лидера Кадетской партии», бежавший от большевистского режима. Создается ощущение, что выход нового романа – скорее предлог, чтобы упомянуть еще одного знаменитого ненавистника СССР, который даже отказывался рецензировать романы, изданные советскими писателями. Радио «Свобода» хоть и называет Набокова «одним из самых выдающихся американских писателей», но отзыв о романе все-таки остается довольно поверхностным и больше напоминает школьное сочинение, чем серьезную литературную критику. Однако небольшой акцент все-таки делается на соединении традиций

²¹ Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии / Под общей редакцией Н.Г.Мельникова. Сост., подг. текста Н.Г. Мельников, О.А. Коростелев. М.: Новое литературное обозрение, 2000.

²²1957-й год. О новом романе Набокова «Пнин» // Радио «Свобода» [сайт]. URL: <http://www.svoboda.org/a/1566016.html> (дата обращения: 11.10.2016).

русской литературы и английского языка, видимо на волне недавней публикации лекций Набокова о Гоголе, а двуязычие автора сравнивается с феноменом Джозефа Конрада. Кроме того, приводятся цитаты из рецензий западных критиков, например Джона Чивера, который называет «Пнина» глубокой и прекрасной книгой.

В целом, поражает единодушие критиков, которые как один называют Пнина нелепым, чудаковатым профессором русской литературы, над которым трудно не посмеяться. Однако, вряд ли Набоков стремился создать нового Дон Кихота, это скорее вызов Сервантесу. Даже заголовок романа должен указывать англоязычному читателю на то, что это прежде всего роман о боли (анаграмма Pnin – pain).

Эдмунд Уилсон не смог не заметить некоторого однообразия читательских откликов на роман: «в рецензиях, которые попадались мне на глаза, говорится одно и то же: никто не озадачен, все знают как реагировать».²³ Он делает немного странный вывод о том, что попытка Набокова изобразить самого себя вызвана отчасти садомазохизмом. Так, по его мнению, ему проще унижать бедного русского преподавателя, что, по убеждению многих исследователей, не совпадает с целью появления рассказчика N. Да и в целом никак нельзя не отметить тот факт, что это единственный роман Набокова, в котором никто не умирает во время повествования. Дмитрий Набоков упоминает, что сострадание по отношению к своему персонажу, которое нельзя не заметить при чтении, Владимир Владимирович считал «движущей силой как его самого, так и его книги»²⁴.

Существует принципиальная разница между развитием критики о Набокове в России и за рубежом. Наиболее авторитетные американские и английские издания не пропускали ни одной крупной публикации Набокова. В России же до середины 80-х годов это имя было по известным причинам нежелательно, чем и объясняется совсем небольшой объем отзывов, дошедших

²³ Набоков В., Уилсон Э. Дорогой Пончик. Дорогой Володя: Переписка. 1940-1971. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2013. С. 430.

²⁴ Барабтарло Г. Сочинение Набокова. С. 249.

до наших дней. Массив эмигрантской критики, хоть и не менее интересной, еще более скромнен – всего 50 заметок.

Исследовательница О.Н. Дюбанкова известна как автор монографии, посвященной обзору русской критики о В. Набокове²⁵. В своей диссертации она собрала практически все отзывы, статьи, рецензии, которые только представляется возможным найти о Владимире Владимировиче. Согласно этой работе, «Пнин» был высоко оценен только самими американцами, но не нашел своего отражения ни в критике эмиграции, ни в СССР.

Изменение отношения к писателю, согласно приведенной временной классификации, напрямую зависело от политической ситуации в СССР. Перестройка сняла главную проблему восприятия Набокова – обсуждение текстов, которых почти никто не видел. Роман «Пнин» официально попал в руки к русскому читателю только после смерти автора, в 1989 году, когда был напечатан в журнале «Иностранная литература» (при содействии В.Е. Набоковой). Первый перевод был выполнен Г. Барабтарло (1976-1979), одним из самых известных и внимательных исследователей романа, хотя до этого журнал «Америка» уже выпустил анонимную русскую версию первой главы «Пнина». Кроме того, известны переводы Б. Носика (1991 г.) и С. Ильина (1993 г.).

Однако, есть много свидетельств того, что роман все-таки попал в СССР задолго до официальной публикации. Прежде всего это отзывы читателей, которыми они обменивались в личной переписке, или записи в дневниках. Здесь мы не найдем того однообразия положительных отзывов, которыми был встречен роман «Пнин» в Америке. Например, А. А. Ахматова высказывалась резко негативно. Лидия Чуковская писала в своем дневнике 4 февраля 1961 года: *«Главная тема нынешнего вечера — «Пнин». <...> Книга ей [А.А. Ахматовой] вообще не понравилась, а по отношению к себе она нашла ее пасквильянтской. Книга мне тоже не нравится, или, точнее, не по душе мне та душа, которая создает набоковские книги, но пасквиль ли на Ахматову? Или*

²⁵ Дюбанкова О.Н. Восприятие В.Набокова в русской критике (1921-1991). М.: Издательство ИКАР, 2008.

пародия на ее подражательниц? Сказать трудно. Анна Андреевна усматривает безусловный пасквиль.»²⁶

Известно, что Набоков недолго любил женщин-писателей, и даже когда приходилось выбирать переводчика для своих произведений, то отдельным требованием был мужской пол нанимаемого. Что касается романа «Пнин», то если не образ Лизы Винд, то ее творчество открыто намекает на влияние ранней Ахматовой: «характерный образец ее продукции представляет собой тот род стихотворений, которым увлекались, подражая Ахматовой, эмигрантские рифмоплетки»²⁷. Причем подобное сравнение явно не в пользу бывшей жены Пнина и порой переходит в карикатуру на поэтессу и ее подражательниц. Набоков не раз высказывал мысль о том, что поэзия Ахматовой имеет скорее негативное влияние, и образ Лизы Винд - еще одно подтверждение его нелюбви к Анне Андреевне (которая, судя по всему, была взаимной)²⁸.

Кроме этого, чрезвычайно резкого (и отнюдь не беспочвенного) отзыва Лидии Чуковской и Ахматовой, есть более положительные. Так «Пнин» упоминается в письмах Корнея Чуковского Роману Гринбергу («Соне»), датированных 1965 годом: *«Мне нравится и «Lolita» и «Pnin», но если бы он отнесся к Пнину добродушнее, мягче, уважительнее, — повесть была бы гораздо художественнее»²⁹*. В письме от 11 апреля того же года, он упоминает инцидент с Ахматовой, но несмотря на это (видимо обладая должным чувством юмора и иронии), находит роман превосходным:

«Дорогая Соня. Я написал Вам письмо за день до получения Вашего письма. Ваше письмо так интересно, что хочется сейчас же откликнуться на него. Никто не отрицает, что Владимир Набоков — искренний и сильный талант и что снобизм — его защитная маска. Но все же к людям он

²⁶ Мельников Н. Портрет без сходства. Владимир Набоков в письмах и дневниках современников (1910-1980-е годы) / Н. Мельников. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 112.

²⁷ Набоков В. Пнин: Роман / пер. с англ. Г. Барабтарло при уч. В. Набоковой. СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2009. С. 271.

²⁸ Шраер М. Почему Набоков не любил писательниц? // Дружба народов. №11. 2000.

²⁹ Мельников Н. Указ. соч. С. 122.

относится с излишней насмешливостью. Для меня Пнин — трогательно жалок, патетичен, а для него только смешон. И очень обидны показались Анне Ахматовой его (правда, превосходные) пародии на ее лирику.»³⁰

Судя по всему, роман произвел сильное впечатление на Чуковского и Гринберга. Тема «Пнина» снова поднимается в августовском письме: *«И «Lolita» и «Pnin», и «Defence», и онегинский четырехтомник — для меня бесспорные шедевры.»³¹*

Выход романа нашел отражение и в дневниковых записях эмигрантов. В 1970 году Марк Шефтель назовет «Пнина» «простым и изящным романом»³², исполненным мягкого юмора. А Александр Шмеман удостоит роман более подробной оценке, делая акцент на пародийности описания мест, людей и событий: *«Вот случайно купил за девяносто пять центов и лениво перечитываю «Пнин» Набокова. Как он верно подметил фальшь американского университета, карикатуры на Оксфорд, Гейдельберг и Сорбонну, но карикатуры дешевые. Диссертации, докторат, наука — тут все это вроде зажигалки, которую, не зная, что с ней делать, дикарь вешает себе на нос или на ухо и страшно горд. Эксперты без культуры, мешанина курсов, которые студент выбирает, как овощи на базаре. Библиографии, душный, затхлый воздух «департаментов», напичканных гениями».³³*

Нина Берберова, одна из жен Ходасевича и автор многих историко-биографических работ, считает, что «Пнин» - роман чрезвычайно слабый. В 1959 году в эмигрантском «Новом журнале» вышла статья Берберовой, где она оценивает все произведения американского периода и пути, по которым Набоков приходит к созданию «Лолиты». По ее мнению, роман «Пнин», никогда не станет классикой литературы, притормозил творческий путь писателя: *«Набокова потянуло на время в сторону реализма, которому он*

³⁰ Там же. С. 123.

³¹ Там же. С. 124.

³² Мельников Н. Указ. соч. С. 140.

³³ Там же. С. 142.

отдал дань книгой своих воспоминаний и романом «Пнин», — это был отход в сторону, вероятно, нужный ему, но о котором почти ничего сказать: эти книги останутся на полках, но никогда не выйдут из своих обложек, обе они бессознательно подрезали собственную судьбу. «Пнин» (эту фамилию носил между прочим русский поэт и прозаик XVIII века, автор книги «Вопль невинности») опоздал лет на двадцать-двадцать пять, он должен был быть написан в эпоху первой книги Набокова, «Машенька», — в те времена (будем рассуждать реалистически, как того требует реалистическая повесть-роман) существовали еще рассеянные профессора и молодые, блестящие ученые, с таким энтузиазмом шедшие им на смену»³⁴.

В целом можно сказать, что русская или советская критика (можем назвать ее таковой ишь условно) содержит в своих отзывах о романе отнюдь не объективную оценку. Чаще всего она обусловлена политической ситуацией и соответственным отношением к Набокову. Многие были разочарованы «пасквильностью» романа, другие высказывали предположение, что прототипами главных героев являлись они сами – и находили это сходство не самым приятным (несмотря на то, что Пнину автор подарил много деталей собственной биографии: зубную боль, забытый текст лекции и так далее). Однако упреки, которые в начале своего творческого пути Набоков получал от эмигрантской критики – о излишнем авангардизме, пренебрежении традициями русской литературы – сошли на нет. «Пнин» наполнен аллюзиями и реминисценциями из русской и зарубежной классики: на «Евгения Онегина», поэзия Жуковского, «Улисса».

Обзор критической литературы хотелось бы закончить характеристикой книги Нины Львовны Хрущевой “В гостях у Набокова – версии и гипотезы” 2008 года³⁵. Будучи правнучкой секретаря ЦК КПСС и специалистом по политологии, которую она преподает в США, Хрущева снова возвращает нас к главной проблеме прижизненной критики о Набокове. Она особо выделяет

³⁴ Берберова Н. «Набоков и его «Лолита» URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/Berberova/berberova_nabokov.htm (дата обращения 10.11.2016).

³⁵ Хрущева Н. В гостях у Набокова. М.: Время, 2008.

романы американского периода (в том числе и «Пнина») и оценивает «с точки зрения воздействия на общественные процессы». Так, переход на язык «капиталистических Англии и Америки», может служить отказом от традиций русской классики, которая (по мнению Хрущевой) не давала писателю двигаться вперед (из-за нерационально-линейного свойства русского языка). Получается, что Нина Львовна заведомо ставит зарубежную литературу выше отечественной, что несколько лишает ее монографию объективности (в лекции Набокова по зарубежной литературе, как известно, не был включен ни один американский писатель). Тем более, что важной для понимания смысла романа остается русская идентичность Пнина. Неловкость героя, да и самого Набокова в первые годы жизни в эмиграции, как пишет Хрущева, заключается в неподчинении чужого языка (хотя Набоков начал говорить по-английски раньше, чем по-русски). Однако, только она одна среди прочих критиков упоминает узоры судьбы, которые видит Пнин и никак не может распутать: «И Пнин в будущем одноименном романе способен продолжать свою жизнь, только убедив себя в том, что, распутав узор бессмысленной жизни, он сможет преодолеть смерть»³⁶. Хотя в романе присутствует достаточно доказательств для того, чтобы считать замысел автора прямо противоположным, можно сказать, что (возможно, с легкой руки исследователей) критика стало относиться к «Пнину» не просто как к юмористической безделушке, а более серьезно, углубляясь в структуру текста.

Таким образом, читатели в своих отзывах на «Пнина» в большинстве своем обращают внимание на разные аспекты текста. Так в Америке восприняли роман на волне успеха «Лолиты», не вдаваясь в детали, как довольно простой для восприятия роман, над чтением которого можно весело провести время. Большинство из тех, кому посчастливилось прочитать роман в СССР, были возмущены высокомерностью тона Набокова и «пасквильностью» его романа. Эмигранты же по достоинству оценили «Пнина». Он стал символом

³⁶ Хрущева Н. Указ. соч. С. 65.

соединения России и Запада, а успех Набокова оправдал «искания целого поколения русских эмигрантов»³⁷.

Глава II. «Пнин» и The New Yorker

2.1. История создания романа «Пнин»

Первое упоминание о замысле нового произведения можно найти в письме Набокова к Эдмунду Уилсону от 20 июня 1953 года: «я затеял серию рассказов о создании моих рук, профессоре Пнине»³⁸. Как отмечает Брайан Бойд, Набоков первоначально задумывал роман из 10 глав, включая «собственное появление в последней главе»³⁹.

Летом того же года он посылает первый рассказ о Пнине редактору журнала The New Yorker Кетрин Уайт и называет своего героя не очень симпатичным, но забавным человеком⁴⁰. Такое представление о собственном герое явно шло вразрез не только с отзывами критиков, но и последующими впечатлениями самого Набокова.

Через 5 месяцев, 28 ноября 1953 года, журнал New Yorker публикует первый рассказ о профессоре Пнине. В январе 1954 года была написана вторая глава под названием «Пнин не всегда был одинок», но журнал отказался ее печатать. Одновременно с этим, Набоков отправляет план романа в издательство «Viking», из которого становится ясно, что Пнин должен был умереть от сердечного приступа в последней главе⁴¹.

В феврале 1955 года Набоков заканчивает 3 главу (опубликована 23 апреля 1955 года), под названием «Pnin's day», а 15 октября выходит глава «Victor meets Pnin». Глава 5 («Пнин под соснами») также была отвергнута

³⁷ Шапиро А.Е. «Звук и отзвук». Обзор критической мысли о творчестве Владимира Набокова // Язык и текст. 2014. №1. С.52-56.

³⁸ Набоков В., Уилсон Э. Дорогой Пончик. Дорогой Володя: Переписка. С. 391.

³⁹ Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография. С. 269.

⁴⁰ Там же. С. 268.

⁴¹ Там же. С. 309.

издательством The New Yorker за чересчур точные описания сталинского режима. Две последние главы «Пнин устраивает вечеринку» и «Я знал Пнина» были написаны в августе 1955 года, но последняя так и не была опубликована.

Стоит заметить, что это единственное произведение Набокова, создание которого началось с 1 главы. Обычно, все романы писались на библиотечных карточках, и только потом разрозненные эпизоды соединялись в законченном замысле. В этом отношении «Пнин» - роман своего рода уникальный. В интервью к Альфреду Аппелю в сентябре 1966 года Набоков снова подчеркивает, что замысел романа появился сразу, но упоминает уже не 10 глав, а семь, те которые вошли в роман и еще одну, которая должна была располагаться между 4 и 5 главами: «В этой так и не написанной главе, которую я с прекрасной ясностью, до последнего ее изгиба, видел умственным взором, Пнин оправлялся в больнице от растяжения спины и, лежа в палате, учился водить машину, изучая датированное 1935 годом руководство для автомобилистов и орудуя рычагами своей больничной койки. Только один из коллег пришел его навестить - профессор Блорендж. Глава кончалась сдачей Пниным экзамена по вождению, причем он педантично препирается с инструктором, которому приходится признать его правоту»⁴².

Также существует дневниковая запись Набокова от 1956 года о замысле еще двух глав о жизни Пнина, уже покинувшего Вейнделл и история о том, как «Пнин сжигает студенческую работу, затем решает, что в ней есть проблеск гениальности, и спасает ее из пламени»⁴³. Но в конце концов он решает отказаться от всего, что было бы «с художественной точки зрения неоправданно»⁴⁴.

Попытки опубликовать финальный вариант из 7 глав в издательстве «Viking» в 1955 году закончились неудачно, однако уже через год, после появления скандальной «Лолиты», многие будут бороться за право напечатать

⁴² Интервью Альфреду Аппелю, сентябрь 1966г. // Набоков В. Собрание сочинений американского периода в 5 т. СПб.: Симпозиум, 1993. Т. 5. С. 613.

⁴³ Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография. С. 353.

⁴⁴ Роупер Р. Указ. соч. С. 340.

роман Набокова. Известен первоначальный вариант заглавия - «Мой бедный Пнин». Однако в своей первой публикации, которая состоялась в США в издательстве Doubleday в 1957 году, роман был назван «Пнин», так, как он известен сейчас массовому читателю.

2.2. Сравнение журнальной и книжной версии

Несмотря на то, что Набоков неоднократно утверждал, что структура романа была ясна задолго до написания, некоторые детали, скорее всего, были задуманы им позднее, для публикации «Пнина» как цельного произведения. Так, сравнив 1, 3, 4 и 6 главы, напечатанные в журнале *The New Yorker* с более официальным «романным» вариантом, можно обнаружить множество отличий. Конечно, при отсутствии в нашем распоряжении рукописи, отправленной Кетрин Уайт, есть вероятность, что многочисленные исправления - от смысловых до пунктуационных - дело рук редактора журнала. Но, как известно, Набоков доверял вкусу редактора *The New Yorker* и после ее ухода перестал сотрудничать с журналом. К тому же, некоторые отличия слишком незаметны и незначимы для отдельно взятой главы, но существенны для романа в целом. Будь они не авторской правкой, то просто не имели бы смысла.

Количество неточностей при этом возрастает от первой главы к последней. Так, в первой главе можно обнаружить различное число студентов, записавшихся на курс русского языка к Пнину (3 вместо 5): «In the Fall Semester of that particular year (1950), the enrolment in the Russian Language courses consisted of one student, plump and earnest Betty Bliss, in the Transitional Group, one, a mere name (Ivan Dub, who never materialized) in the Advanced, and three in the flourishing Elementary: Josephine Malkine <...>; Charles MacBeth <...>; and languid Eileen Lane...»⁴⁵, в переводе Барабтарло: «В осеннем семестре того года (1950-го) в списках на курсах русского языка значились: одна студентка (пышнотелая и серьезная Бетти Блисс) в средней группе; один студент, Иван

⁴⁵ Nabokov V. Pnin. London.: Penguin Modern Classics, 2010. pp. 3.

Дуб (пустой звук, ибо он так и не воплотился), в старшей; и трое в процветавшей начальной: Джозефина Малкин <...>; Чарльз Макбет <...>; и томная Айлина Лейн...»⁴⁶. Вариант в *The New Yorker*: «The enrolment in the Russian Language course consisted of three students only...»⁴⁷. На курсы в первой редакции не записались Бетти Блисс, которая не раз потом появляется по ходу сюжета, и Иван Дуб, не «воплощающийся» ни на лекциях Пнина, ни в самом романе.

В 6 главе «Pnin gives a party» отсутствуют целые эпизоды: среди перечисления достижений сотрудников Вейнделла не упоминается местный психиатр д-р Рудольф Аур, который ставит опыт на детях (отсылка к фрейдистской теме в романе), нет разговора Гагена и Блоренджа (первый ходатайствует о работе для своего друга), без которого образ Гагена становится довольно несимпатичным в конце главы, пассаж с описанием местности вокруг нового дома Пнина и так далее. А также целый ряд отличий, связанных с появлением повествователя, разбросанных по всему роману, но особенно часто встречающихся в 6 главе. Приведем лишь некоторые из них:

«But Jack Cockerell, Chairman of English, disapproved of everything Hagen did, considered Pnin a joke, and was, in fact, unofficially but hopefully haggling for the services of a prominent Anglo-Russian writer who, if necessary, could teach all the course that Pnin must keep in order to survive»⁴⁸ (в переводе Барабтарло: «Но Джек Коккерель, глава английской, относился с неодобрением ко всему, что делал Гаген, Пнина всерьез не принимал, а кроме того, не официально, но довольно успешно торговался о приобретении услуг одного известного англо-русского писателя, способного, если нужно, читать те курсы, которые оправдывали академическое существование Пнина»⁴⁹.)

⁴⁶ Набоков В. Пнин: Роман. С. 21.

⁴⁷ Nabokov V. Pnin // *The New Yorker*. 1953. Nov. 28. pp. 42.

⁴⁸ Nabokov V. Pnin. pp. 121.

⁴⁹ Набоков В. Пнин: Роман. С. 211.

Вариант в *The New Yorker*: «But Jack Cockerell, Chairman of the English Department, disapproved of everything Hagen did, and considered Pnin a joke»⁵⁰.

Пнин обзванивает знакомых, чтобы пригласить на новоселье: «He asked old Carrol, the Frieze Hall head janitor, with is son Frank, who had been my friend's only talented student...»⁵¹ («Он позвал старого Карроля, старшего швейцара Фриз-Холла, с сыном Франком, который был единственным одаренным студентом моего друга...»⁵²). Эпизод в *The New Yorker* отсутствует.

Части разговора Пнина с Гагеном, в котором выясняется правда об увольнении Пнина из Вейнделла и последующая его замена повествователем («I will never work under him!»), и рассказа о случае двойничества от Ольги Кроткой тоже нет в журнальной версии.

Эти эпизоды ничем не могли помешать редактору журнала *The New Yorker* и, скорее всего, были добавлены для финальной публикации самым Набоковым. (Например, чтобы связать отдельные главы или подготовить читателя к появлению повествователя в последней главе). К роли повествователя в романе мы вернемся в IV части данной работы.

Еще одна важная особенность, которая сразу бросается в глаза при сравнении, - разница в датировке событий, касающихся жизни героя. Например, 3 глава начинается не с фразы «During the eight years...»⁵³ (в переводе Барабтарло «За восемь лет преподавания...»⁵⁴), а с «During the five years...»⁵⁵. То есть год, когда происходят события - 1953-й, а не 1950-й. Такое же смещение времени в пользу романной версии (теперь уже на 5 лет, а не на 3 года) происходит в первой главе, когда упоминается дата окончания Пниным Университета в Праге: 1920-й, а не 1925 год. Отдельного замечания

⁵⁰ Nabokov V. Pnin Gives A Party // *The New Yorker*. 1955. Nov. 12. pp. 46.

⁵¹ Набоков В. Пнин: Роман. С. 128.

⁵² Там же. С. 223.

⁵³ Nabokov V. Pnin. pp. 51.

⁵⁴ Набоков В. Пнин. С. 97.

⁵⁵ Nabokov V. Pnin's Day. 1955. Apr. 23. pp. 31.

заслуживает отрывок об взаимоотношениях Пнина с английским языком, в котором снова изменены даты. Пнин совершенно не владел им до своего отъезда в США (в мае 1940 года). Набоков с юмором описывает успехи своего героя в 1941, 1942 и 1950 годах. Но в первой главе, опубликованной в журнале, эти даты смещены на несколько лет: 1945, 1946, 1953 год соответственно.

О том, что такие мелочи действительно важны, как для автора, так и для читателя, Набоков пишет в своей статье «Искусство литературы и здравый смысл»⁵⁶ и, например, в своих лекциях по русской и зарубежной литературе.

Набоков считал, что читать книги нужно так, чтобы «напечатанные слова превращались в конкретные миры»⁵⁷. Он советовал обращать внимание на каждое слово книги, на каждую подробность. Например, в лекции, посвященной «Анне Карениной», Набоков рассматривает «Хронологию Толстого»⁵⁸. Прежде всего, он, основываясь на политических событиях, упомянутых в книге, определяет год, день и даже время начала романа: 8 утра, пятница, 23 февраля 1872 года. Каждую из глав Набоков привязывает к определенной дате. В результате, мир романа и его герои становятся более реальными, чем принц Уэльский, о коронации которого Облонский читает в утренней газете. Эту привязанность к фактам действительности, которую Набоков особенно ценил, можно обнаружить и в любом его произведении (например, при подготовке к написанию «Лолиты» им была составлена таблица с точными данными о росте, весе девочек-подростков).

Такую внимательность к датам Набоков дарит и своему герою. В 5 главе Пнин практически в точности повторяет доказательство Набокова о том, в какой день начинается роман Толстого (под недоуменные возгласы знакомых эмигрантов: «Да не все ли равно! - воскликнула Варвара. - Ну кому, скажите на милость, нужно знать точный день?»⁵⁹) и в какой заканчивается. А в третьей

⁵⁶ Набоков В. Искусство литературы и здравый смысл. С. 491-506.

⁵⁷ Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография. С. 211.

⁵⁸ Набоков, В. Лекции по русской литературе / Пер. с англ. С. Антонова, Е. Гольшевой, Г. Дашевского и др. СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. С. 285-296.

⁵⁹ Набоков В. Пнин: Роман. С. 186.

просит студентов записать точную дату создания стихотворения «Брожу ли я вдоль улиц шумных»: «26 декабря 1829 года <...> 3.03 пополудни Санкт-Петербург».⁶⁰ И вряд ли такая дотошность Пнина ограничивается только областью литературы, несмотря на все нелепости, которые с ним происходят.

Недоразумения в первой главе «Пнина» построены на времени отправления и прибытия поезда. Чтобы не запутаться вместе с героем, читателю нужно составить свой собственный график. Кроме того, повествователь постоянно подшучивает над нами из-за невнимания к датам: «Как обычно, он отправился в журнальную и пробежал там раздел новостей в последнем (за субботу, 12 февраля, - а то был вторник, о невнимательный читатель!) номере русской ежедневной газеты...»⁶¹ (эпизод отсутствует в *The New Yorker*).

Возвращаясь к сравнению, вполне возможно, что некоторые события были включены в структуру романа позднее, за счет чего романное время растянулось еще на 3 года. Причем Набоков отмечает эту деталь очень элегантно: «До 1950-го года (а теперь у нас 1953-й - как годы летят!) у него был на немецком факультете общий кабинет с Миллером...»⁶² (эпизод также отсутствует в *The New Yorker*). Но что именно изменилось? Попробуем восстановить события романа, опираясь только на факты, известные из журнальных глав.

В первой главе нет упоминания даты начала событий (которая дается в перечислении списка студентов). Нашему герою не 52 года, а 55 лет («Nowadays, at fifty-five...»)⁶³, и началом романа вполне может служить не только 1950-й или 1953-й, но и любой другой год. Мы не можем ни определить дату его рождения, ни привязать к определенному времени события его жизни. Все основные сведения о своем персонаже Набоков дает во второй главе,

⁶⁰ Набоков В. Пнин: Роман. С. 104.

⁶¹ Там же. С. 116.

⁶² Там же. С. 107.

⁶³ Nabokov V. Pnin. 1953. Nov. 28. pp. 42.

которая не была допущена к печати, поэтому мы пока не можем точно сказать, когда родился Пнин.

Третья глава запутывает нас еще больше. Повествователь упоминает дату рождения Пнина - 1899 год («Pnin's birthday, for instance, fell on February 3rd by the Julian calender into which he had been born in St. Petersburg, in the penultimate year of the last century...»⁶⁴), хотя в полной публикации романа упоминается 1898-ой. И теперь мы могли бы сказать, что события происходят не раньше 1954 года (а не 1953-го), но в журнале есть датировка 3 главы: 1952 год.

Поскольку мы уже знаем, что в 1 главе Пнину 55 лет и он родился 1899 году, а в третьей главе действие происходит в 1952-ом, то Пнину уже 53 года.

Этому есть два объяснения: или автор каким-то образом не заметил несостыковки дат в романе (что маловероятно), или события в третьей главе происходили раньше, чем в первой.

В итоге, мы можем сказать, что время в романе, наоборот, сократилось, как минимум, на один-два года, а главы расположились в хронологическом порядке.

Остается нерешенным и вопрос с теми датами, которые связаны с английским языком. По романной версии мы знаем, что Пнин покидает Европу в 1940 году и сразу же начинает учить новый язык. Но, согласно версии в *The New Yorker*, он озаботился изучением языка только в 1945-ом. Вряд ли такой блестящий ученый как Пнин смог бы в течение нескольких лет после приезда в Америку избегать влияния новой языковой среды, скорее всего, он приезжает только в середине 40-х годов.

Возможно, причина этих расхождений в хронологии кроется в тех главах из 10 задуманных, которые так и не были написаны. Некоторые из них вполне могли содержать сведения о событиях из жизни Пнина, которые бы занимали несколько «сэкономленных» в книжной версии лет. Увы, остается только догадываться. Но то, что Набоков так тщательно менял даты, говорит о том, что замысел все-таки подвергался изменению во время его работы над романом.

⁶⁴ Nabokov V. Pnin's Day. pp. 32.

Сюжетная линия Миры Белочкиной (одна из важнейших в романе) могла вообще не входить в первоначальный вариант. В первой главе, когда одиннадцатилетний Пнин заболевает пневмонией, его лечит педиатр Белочкин (как мы потом узнаем - отец Миры). Но в журнальной версии Набоков использует фамилию Соколов. Если отметить главы, связанные с Мирой и ее семьей, то оказывается, что именно они не были напечатаны в *The New Yorker*. И входила ли в них история Миры - большая загадка. Так, например, история семьи Белочкиных описывается в 5 главе, а участие Миры и ее брата в спектакле вместе с Тимофеем Пниным - в 7-ой. Так или иначе, мы можем сказать, что связь между мотивом белки и семьи Белочкиных в романе сначала точно отсутствовала.

В последующих частях данной работы мы попробуем показать, как отмеченная нами разница между журнальной и книжной версиями «Пнина» может повлиять на анализ и толкование романа. Особенно заметным отличием является измененная разница в датировке событий и измененная хронология, к которой мы вернемся в IV главе.

Глава III. Мотивы болезни, смерти и воспоминания в романе «Пнин»

Литературное произведение предполагает множество прочтений в зависимости от «горизонта ожиданий» читателя. Не существует единственного прочтения текста, наоборот, чем больше граней открывается с каждой новой интерпретацией, тем ценнее становится для нас само произведение.

«Пнин», по сравнению с другими романами Набокова, не самый популярный у исследователей, однако некоторые детали его поэтики вызывают особенный интерес. В этой главе мы постараемся проанализировать роман с еще одной точки зрения, опираясь на ключевые мотивы болезни, смерти и воспоминания. На пересечении этих 3 мотивов оказывается образ белки, с анализа которого мы и начнем.

Белка, которая появляется на страницах романа то в своем реальном физическом облике, то в виде изображения на ширме его спальни или в виде рисунка на открытке, стала одной из любимых тем у исследователей «Пнина». Практически ни один серьезный анализ романа не обходится без ее упоминания. К ней обращались Ch. Nicol⁶⁵, W. W. Rowe⁶⁶, Jullian W. Connolly⁶⁷, Б.Бойд⁶⁸. Одни видят в этом образе воплощение умершей невесты Пнина Миры Белочкиной, которая вмешивается в судьбу героя в самые тяжелые моменты его жизни. Другие - метафору человеческого страдания. Она пробуждает в Пнине воспоминания прошлого, которые ему дороги, в противовес невзгодам жесткого мира.

⁶⁵ Nicol C. Op. cit. С. 197-208.

⁶⁶ Rowe W. W. Op. cit. 182-192.

⁶⁷ Julian W. Connolly Op. cit. pp. 195-210.

⁶⁸ Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография.

Г. Барабтарло тоже не остается в стороне⁶⁹. Он считает, что белка - это своеобразный символ, который приближает Пнина к разгадке тайны бытия.

Казалось бы такие встречи, которые повторяются с определенной периодичностью в его жизни должны навести на мысль об определенной схеме, существовании под присмотром если не автора, то повествователя N, частью произведения которого он является. Но этого открытия не происходит. Пнин даже не замечает очевидных параллелей с именем своей умершей в концлагере возлюбленной, как и не может увидеть рисунок своей судьбы.

Еще одна интересная интерпретация принадлежит Б. В. Аверину⁷⁰: «эта белка – дважды переодетая (в русское, а затем английское языковое обличие) «мысль», которая в результате сложившейся традиции перевода начальных строк «Слова о полку Игореве» одновременно является и зверьком (как в оригинале) и мыслью (как в переводе), то есть соединяет в себе внешнее (зверька) и внутреннее (мысль). <...> Лингвистический экскурс Пнина подчеркивает, что белка кроме всего прочего, есть слово». Попробуем проанализировать мотив белки с новой стороны.

Впервые, мы встречаемся с белкой в I главе, когда с Пниным, который по рассеянности перепутав расписание поездов, а потом еще и упустил автобус, случается сердечный приступ. До этого мы узнаем, что маленький Тимофей, заболев тифом, разглядывает ее изображение, а еще на несколько страниц раньше (как бы в виде намека на последующие события), в кондитерской, обнаруживаем зубочистку в виде сосновой шишки (несомненный беличий атрибут). После встречи с Лизой в следующей главе, белка снова оказывается рядом с главным героем. На этот раз ее появление предвосхищают мысли Пнина о том, что все в жизни заранее предопределено (цитату можно трактовать неоднозначно, как предопределение событий до рождения или после смерти): «...что, если люди соединяются на том свете (я в это не верю, но

⁶⁹ Барабтарло Г. Сочинение Набокова.

⁷⁰ Аверин Б. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: ООО «Издательство «Пальмира»; ООО «Книга по требованию», 2016. С.369-370.

предположим)?»⁷¹ (мотив предопределенности повторится после воспоминания о Мире в 5 главе: «Быть может, души умерших образуют комитеты, которые на своем непрерывном заседании решают участь живых»⁷²). В итоге его прерывают, когда в своих размышлениях он «стоит на пороге простого разрешения вселенской загадки»⁷³. В III главе Пнин встречается белку по дороге в библиотеку. После чего поскользывается, роняет том Золотого Фонда Литературы, который внезапно открывается на странице с изображением русского луга, что снова наталкивает его на мысль о смерти: «В бою ли, в странствии, в волнах? На кампус ли в Вейнделе?»⁷⁴. В IV главе Пнин обменивается письмами с Виктором и посылает ему изображение Серой Белки (чуть ранее сообщается, что он преподает «мертвый язык»). В пятой белку спугивает оружейный выстрел (видимо в лесу, мимо которого едет наш герой, кто-то охотится, например муж Прасковьи, увлечением которого является «истребление мелких лесных животных»⁷⁵). В предпоследней части с мотивом белки неожиданно оказывается связана чаша, подаренная Виктором: «Маргарита Тэер в свою очередь полюбовалась чашей и сказала, что в детстве ей казалось, что стеклянные башмачки Золушки сделаны именно из этого зеленовато-синего оттенка, на что профессор Пнин заметил, что <...> башмачки Сандрильоны сделаны не из стекла, а из меха русской белки»⁷⁶. В первоначальном варианте этой главы чаша должна была разбиться - своеобразная параллель с предполагаемой смертью Пнина в финале. И, наконец, в VII главе повествователь замечает чучело белки в классной комнате маленького Тимофея: «мне видны были карта России, висевшая на стене, полка с книгами, чучело белки и игрушечный моноплан с холщовыми крыльями и

⁷¹ Набоков В. Пнин: Роман. С. 91.

⁷² Набоков В. Пнин: Роман. С. 206.

⁷³ Там же. С. 91.

⁷⁴ Там же. С. 114.

⁷⁵ Там же. С. 182.

⁷⁶ Там же. С. 239-240.

резиновым мотором»⁷⁷. То самое, что и в детской у Лужина: «На этажерке стоял глобус и чучело белки, купленное когда-то на Вербе»⁷⁸.

Как можно заметить, образ белки каждый раз оказывается связанным не только с воспоминаниями, но и с мотивами болезни и смерти. А судьба Миры Белочкиной является их своеобразной квинтэссенцией. Пнин запрещает себе думать о ней, так для него была ужасна ее гибель: «Вынести это хотя бы на мгновение можно было только в отрешенности неизлечимой болезни, в состоянии душевного равновесия перед близкой смертью»⁷⁹.

В «Пнине» мы находим первое упоминание Набоковым холокоста. В 1952 году был опубликован «Дневник Анны Франк», что, возможно, повлияло на включение автором сюжетной линии Белочкиных в свой роман.

Набоков дает читателю знать, когда у Пнина случались странные приступы, будто специально выделяя их значимость: 14 июля 1920 года, 8 мая 1929-го, 15 февраля 1937-го и 10 августа 1942 года (предположительная дата смерти Миры). Причем, несмотря на большую неразбериху с датами в журнальных главах, эти остались неизменными к публикации романа. Мы можем определить и дату приступа в последней главе: 13 октября 1950 года, хотя знаем, что был еще один в замке Кука, когда разговор зашел о его умершей возлюбленной.

Врачи, к которым ни раз обращался Пнин, так и не смогли понять их причину: «Пнин со смехом рассказал, что всякий раз, что он подвергается рентгенокопии, врачи тщетно пытаются разгадать причину того, что они называют «тенью за сердцем»⁸⁰.

Действительно ли это заболевание еще не известно науке, как думает изредка Пнин? Но если обратить внимание на «симптомы» его болезни, то

⁷⁷ Там же. С. 266.

⁷⁸ Набоков В. Защита Лужина // Набоков В. Собрание сочинений русского периода в 5 т. СПб.: Симпозиум, 2008. Т. 3. С. 320.

⁷⁹ Набоков В. Пнин: Роман. С. 204.

⁸⁰ Там же. С. 192.

становится ясно, что приступы, одолевающие Пнина, касаются отнюдь не медицинских вопросов: «Какое-то крайне неприятное и пугающее ощущение в области сердца, несколько раз испытанное им в продолжение взрослой жизни, снова нашло на него. То была не боль и не сердцебиение, но скорее жутковатое чувство утопания и растворения в окружавшей его среде...»⁸¹.

В комментариях Р. Роупера к роману есть замечание профессора Тристана Девиса, который связывает это болезненное состояние не с сердечным приступом, а с панической атакой. Таким образом, упоминание сердечного приступа могло остаться от первоначального замысла⁸². Но это не объясняет, почему приступ - это вовсе не реакция на воспоминание о Мире (которая была бы вполне естественной), а, наоборот, всегда предвосхищение этого воспоминания.

Состояние, в котором он прибывает, - пограничное между жизнью и смертью: «Смерть есть разоблачение, растворение. Оно и хорошо, может быть, смешаться с пейзажем, но для легкоранимого «я» это конец. Чувство, которое испытывал Пнин, чем-то очень напоминало такого рода растворение. Он ощущал себя пористым и уязвимым»⁸³. К тому же, оно всегда обращено в прошлое. Пнин, и без того подверженный ностальгии, в болезненном состоянии как будто совершает путешествие во времени: «Внезапно Пнин (да уж не умирает ли он?) заметил, что соскальзывает назад, в свое детство»⁸⁴. И видит себя, одиннадцатилетним, заболевшим пневмонией. Некоторое время спустя, на лекции в Кремоне, среди вполне реальных, живых слушателей, он начинает видеть свою тетку, родителей, давно убитых Ваню Бедняшкина и Миру Белочкину: «Убитые, забытые, неотмщенные, неподкупные, бессмертные -

⁸¹ Набоков В. Пнин: Роман. С. 199

⁸² Роупер Р. Указ. соч. С. 339.

⁸³ Набоков В. Пнин: Роман. С. 36.

⁸⁴ Там же. С. 38.

множество старых его друзей было рассажено там и сям в этой туманной зале попеременно с новыми его знакомыми...»⁸⁵.

Тема воспоминания оказывается тесно связана с миром вещей. У Пнина очень сложные отношения с физическим миром. Он постоянно воюет с предметами. Они теряются, ломаются, нападают на него и никак не хотят слушаться. Он совершенный профан в вопросах их починки, но при этом испытывает восхищение от разного рода приборов: от застёжки-молнии до стиральной машинки: «Забывая всякое приличие и осторожность, он, бывало, скармливал ей все, что подворачивалось под руку <...> все это ради удовольствия понаблюдать сквозь ее иллюминатор за тем, что походило на бесконечное кувыркание больных вертежом дельфинов»⁸⁶. Практически как гоголевский Плюшкин (хотя мотивы у этих двух героев совершенно разные), он окружает себя нужными, и не очень, предметами. Так, откуда-то в его чемодане взялись совершенно неуместные для его поездки в Кремону башмачные колодки. Лекции теряются, чемоданы забываются, библиотечные книги тоже не хотят подчиняться Пнину. При этом повествователь сообщает, что «рассеян был не Пнин, а мир, и Пнину приходилось наводить в нем порядок»⁸⁷. Его окружает хаос, а Пнин устраивает из него свой собственный мир.

Каждый раз, когда Пнин переезжает в новый дом или кабинет, он начинает обустривать их по собственному вкусу. Этот процесс Набоков ласково называет «пнинизацией». Каждый из предметов, заботливо перевезенных в новое жилище, хранит свою историю и связанные с ним воспоминания («У старой госпожи Мак-Кристал, в белом деревянном доме которой Пнин однажды не очень удачно прожил зиму (1949-1950), он купил за три доллара выцветший, некогда турецкий коврик»⁸⁸). Более того, каждая вещь одушевлена и обладает человеческими качествами («одинокая бусина с дыркой

⁸⁵ Там же. С. 47.

⁸⁶ Набоков В. Пнин: Роман.. С. 65.

⁸⁷ Там же. С. 26.

⁸⁸ Там же. С. 107.

посередине», «инфантильная качалка», «полдюжины осиротевших томов» и т.д.). Именно такие второстепенные, абсолютно не значимые для постороннего человека воспоминания, и есть «главное достояние его памяти»⁸⁹. Они не составляют ту официальную часть биографии, о которой принято сообщать, например, при знакомстве. Но являются более важной частью его личности.

Один из наиболее привлекательных для читателя аспектов романа связан с этой его уютной предметностью, которую можно найти только в «Защите Лужина» или «Даре». При этом, такие детали отсутствуют, например, в эпизодах с описанием Эриха и Лизы Винд и окружают только Пнина и Виктора. Так определенные персонажи оказываются наделены врожденной способностью видеть красоту простых вещей, а Пнин видит еще и воспоминания, с ними связанные, и, так образом, находится сразу в прошлом и настоящем.

Все вышесказанное отсылает нас к монографии Б.В. Аверина «Дар Мнемозины», которая начинается с обзора фундаментальных философских работ начала XX века, повлиявших на развитие русской автобиографической прозы, в том числе и романов Набокова. Наиболее близкими к понимаю замысла романа «Пнин» нам показались идеи Льва Карсавина и Льва Шестова.

Концепция воспоминания Карсавина, которая нашла свое отражение в монографии «О личности» (1929), связана с триединством, разъединением цельного «Я» и воскрешением через смерть. Личность в каждый настоящий момент времени обладает актуальным единством, но только при условии, что прошлый «Я» не равен «Я» настоящему, через воспоминание и происходит самовоскрешение. «Воспоминание лежит в основе самой практики карсавинской мысли: совершив какое новое движение, она вновь и вновь оглядывается назад, каждый раз захватывая в своем поступательном движении все свое прошлое содержание»⁹⁰. Обладая единством, личность должна

⁸⁹ Аверин Б. Указ. соч. С. 50.

⁹⁰ Аверин Б. Указ. соч. С. 44.

воссоединить прошлое с настоящим, то есть быть «всевременна» или «сверхвременна». Однако объединение распадающейся личности всегда требует от человека невероятного напряжения, от которого человек часто отказывается.

Так, иллюстрацией этого тезиса в романе может служить воспоминания Пнина о Мире Белочкиной. Несомненно, любовь к Мире, является важнейшей составляющей его «Я», но он боится воссоединиться со своим прошлым, ведь это принесет ему невероятные страдания: «Необходимо было забыть об этом - потому что ведь нельзя было ужиться с мыслью, что эту вот милую, тонкую, нежную молодую женщину, вот с этими глазами, с этой улыбкой, с этими садами и снегами на заднем плане, привезли в скотском вагоне в истребительный лагерь и убили, впрыснув ей фенола в сердце, в то самое кроткое сердце, биение которого ты слышал под своими губами в сумерках прошлого»⁹¹. Во время своих приступов, Пнин балансирует на грани жизни и смерти, он чувствует свою разъединенность или «растворение» в пространстве, и только воспоминание способно воскресить его, восстановить нарушенное единство. После приступов его видения необычайно яркие, в такие моменты он находится одновременно и в прошлом, и в настоящем и в самом деле обладая той «вневременностью», о которой говорил Карсавин. А окружение самого себя предметами, еще одно доказательство стремления Пнина к целостности, вызыванию «самого себя из небытия»⁹².

Идеи Льва Шестова несколько иные, хоть некоторые из них и приближены к теме воспоминаний. Он утверждает, что из-за влияния общества, человек подвержен общим идеям и мыслям. При этом природа человека, его индивидуальное «Я» на самом деле не имеет с ними ничего общего. Отсюда интерес к мелочам, в том числе таким, которые способны «передать прошлое во всей его полноте»⁹³. Б.В. Аверин считает, что эта идея была чрезвычайно близка Набокову. Во многих его романах, в том числе и в «Пнине» читатель

⁹¹ Набоков В. Пнин: Роман. С. 204.

⁹² Аверин Б. Указ. соч. С. 45.

⁹³ Там же. С. 58.

обнаруживает массу деталей, которые появляются из неоткуда, отвлекают внимание читателя и растягивают повествование. И практически выполняют роль чеховского ружья, которое так и не стреляет в конце. Такие детали всегда довольно яркие и примечательные, но многие из них абсолютно не значимы для сюжета и не несут какой-то особенной смысловой нагрузки. Можно предположить, что идея Карсавина (касающаяся даже истории, которая из-за тяги к общему искажается и не передает истину) находит свое отражение в деталях окружающего мира, которые так точно подмечают Виктор и Пнин. Как уже было сказано, эта способность героев замечать мелочи глубоко индивидуальна и связана с чувствами, эмоциями, а не с чем-то рационально объяснимым. И присуща, в основном, детям (не зря отмечается его «детское выражение в глазах»⁹⁴). Пнин по-детски наивен и открыт миру, что в какой-то степени объясняет его сходство с Виктором. Например, никто кроме них двоих не догадался бы смотреть на вещи через стакан воды или восхищаться уже привычным для того времени приборами. К тому же ассоциации и наблюдения снова отсылают героев к их прошлому: «Какая-то случайная интонация этой хрипловатой птицы в сочетании с теплым ветром, льнувшим к Пнину и добивавшимся его внимания, признания, чего угодно, - кротко напомнили ему тусклый, забытый день, когда он, студент-первокурсник Петроградского университета, приехал на маленькую станцию балтийского летнего курорта, и звуки, и запахи, и заунывность...»⁹⁵. Об этом Набоков упоминает и в своей статье «Искусство литературы и здравый смысл»: «способность удивляться мелочам — несмотря на грозящую гибель — эти закоулки души, эти примечания в фолианте жизни — высшие формы сознания, и именно в этом состоянии детской отрешенности, так непохожем на здравый смысл и его логику, мы знаем, что мир хорош»⁹⁶.

⁹⁴ Набоков В. Пнин: Роман. С. 269.

⁹⁵ Там же. С. 174.

⁹⁶ Набоков В. Искусство литературы и здравый смысл // Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. С. 497.

Шестов выступает против иллюзии о всемогущей власти разума, мысли о том, что с его помощью можно гармонизировать человека. Он считает, что истину человек познает только когда оказывается на пороге смерти. Б.В. Аверин пишет, что «в состоянии полного одиночества (смерть всегда приходит в одиночестве) человек открывает то, что было наглухо закрыто для него»⁹⁷. Теперь болезнь Пнина действительно приобретает важное философское значение. Каждый раз, когда у Пнина случится приступ, находясь между жизнью и смертью, он чувствует, что вот-вот найдет ключ к загадке, смысл которой не назван. У Шестова подобное откровение всегда связано с воспоминанием, «анамнезисе» о потерянном рае и не поддается такому рациональному выражению, как слово.

Обвинения Эдмунда Уилсона в жестокости в адрес Набокова⁹⁸ кажутся отнюдь не беспочвенными. Из раза в раз подводя своих персонажей к краю пропасти, он как будто ставит на них эксперимент, создавая модель своего собственного мира, чтобы самому узнать эту истину (как однажды заметит повествователь: «Желал бы и я это знать»⁹⁹). Роман «Пнин» выделяется на фоне остальных произведений, т.к. главный герой, несмотря на то, что приближается к разгадке, не погибает. Трудно определить, является ли такой финал положительным для героя или нет, ведь в романе можно найти еще одну интересную мысль, связанную с Шестовым - идею «предсмертия». В 6 главе, уже вернувшись с вечеринки у Пнина, некий Тэер оставит следующую запись в своем дневнике: «Сидели, пили; всяк в себе таил прошедшее, и каждому судьбой на свой особый час будильник был поставлен...»¹⁰⁰. Здесь снова повторяется мотив фатума, предначертанной каждому смерти. Но на этот раз смерти как пробуждения. Во время приступов у Пнина не раз возникает ощущение того, что за границей этого мира есть другой. Он чувствует, что

⁹⁷ Аверин Б. Указ. соч. С. 65.

⁹⁸ Роупер Р. Указ. соч. С. 214.

⁹⁹ Набоков В. Пнин: Роман. С. 36.

¹⁰⁰ Там же. С. 247.

«опаздывает на какую-то точно назначенную встречу»¹⁰¹, но белка каждый раз сбивает его с этих мыслей. То ли спасая таким образом от смерти, то ли нарочно не давая прийти к желанной разгадке и заставляя его вечно двигаться по кругу в чужом тексте.

Пнин - практически идеальное воплощение философии Льва Шестова. Тимофей иррационален до мозга костей, что и отметит повествователь: «Люди, как и числа, бывают целые и иррациональные, и Клементс с Пниным принадлежали ко второй разновидности»¹⁰² (в отличие от Лужина, которого сводит с ума рациональный шахматный мир). Он подвергается насмешкам со стороны коллег и близких знакомых, но именно его странности делают его особенным, отличным от остальных. Даже свои чувства он выражает не так, как ожидает читатель. Например, мы предполагаем, что когда-нибудь терпение Пнина кончится и он выплеснет свое раздражение на обидчиков. Но этого не происходит. Даже после новости о своей будущей отставке, он не озлобляется. Журнальный вариант 6 главы заканчивается фразой, не вошедшей в книжную версию романа, которая дает объяснение такой его реакции: «The sense of its security there communicated itself to his own state of mind, and he felt that «losing one's job» dwindled to a meaningless echo in the rich, round inner world whee one could really hurt him»¹⁰³. Внутреннем миру Пнина новость об увольнении просто не смогла бы навредить. Такой ничтожной и жалкой она кажется на его фоне. Это ли не убедительный пример того цельного «Я», о котором писали Карсавин и Шестов?

Таким образом, можно считать, что болезнь, от которой страдает Пнин, тесно связана с темой памяти. Его воспоминания, которые в момент наиболее сильных приступов буквально переносят его в прошлое, отнюдь не эмигрантская ностальгия по детству или утраченной родине. Скорее это внутреннее стремление к целостности своего «Я», о которой писал Карсавин.

¹⁰¹ Там же. С. 42.

¹⁰² Набоков В. Пнин: Роман. С. 66.

¹⁰³ Nabokov V. Pnin Gives A Party. pp. 54.

Белка, в свою очередь, наряду с ролями, уже упомянутыми исследователями, оказывается предвестником мотива смерти. Не зря болезнь, которую врачи характеризуют как «тень за сердцем», перекликается с греческим названием белки, о котором Пнин сообщает Виктору («тень хвоста»). Прошлое - это тень, которая неотделима от человека. Попытка избавиться от нее означала бы потерю своего единства, физического облика и уход в небытие. Принятие своего прошлого, в том числе воспоминания о Мире, от которых Пнин испытывает невообразимые страдания, каждый раз возвращают его к жизни. Не зря имя служит собранием личности персонажа: анаграмма Pnin - rain намекает читателю на то, из чего «состоит» Тимофей. Белка не просто пробуждает воспоминания, она их воплощение, которое как тень преследует его на протяжении всего романа.

Одновременно с этим, появление белки - это определенно тот паттерн, который указывает на присутствие автора. Как и то, что чья-то невидимая рука подменяет библиотечные карточки или пробрасывает Пнину старое расписание автобусов. Любопытно, что в финале романа воспоминания всезнающего повествователя и Пнина отличаются друг от друга. Г. Барабтарло частично объясняет этот диссонанс в своей книге «Сочинение Набокова»¹⁰⁴ наличием того уровня реальности, в котором существует автор и читатель. Но несмотря на то, что он является персонажем чужого текста, Пнин яро защищает свое право на собственные воспоминания, отличные от воспоминаний N. настолько сильна его целостность и индивидуальность, благодаря своему единению с собственным прошлым, что читателю становится трудно отличить правду от вымысла. Различие воспоминаний становится еще одним приемом, наряду с точностью датировок, который делает более реальным воображаемый мир.

¹⁰⁴ Барабтарло Г. Сочинение Набокова.

ГЛАВА IV. Концепт времени в романе «Пнин»

В предыдущих главах мы затрагивали проблему времени в связи с разницей в датировке журнальной и книжной версии романа «Пнин», а также с точки зрения философских идей Льва Карсавина и Льва Шестова. В этой части работы мы попробуем рассмотреть роман, опираясь на концепции времени,

которые могли повлиять на эстетическую позицию Набокова к моменту написания «Пнина».

4.1. Линейное, циклическое и «чистое время»

Исследователи Набокова не раз отмечали преемственность им философских мыслей начала XX века, в том числе концепции времени. Стоит назвать монографию В.Е. Александрова «Набоков и потусторонность»¹⁰⁵ и книгу Б.В. Аверина «Дар Мнемозины», в которых говорится о параллели с идеями П.Д. Успенского. Еще одной ключевой фигурой, повлиявшей на мировоззрение Набокова, становится французский философ Анри Бергсон, о чем неоднократно упоминают своих статьях Т. Лясковец¹⁰⁶, Л. Метиссон¹⁰⁷, А. Шапиро¹⁰⁸ и др.

Бергсон выделяет 2 вида времени: «научное» и «чистое время». Первое можно измерить различными приборами, такими как часы, второе - неизмеримо. Такое время переживается непосредственно, как динамический поток событий. К тому же он различает «физическое время» и «время сознания» и доказывает, что живое существо не воспринимает время механически. Для человека время обладает такими свойствами, как качество, непостоянство. Для линейного времени нет отличий между прошлым, настоящим и будущим - это всего лишь точки на прямой. Время в его становлении Бергсон называет «длительностью». Что есть время, если прошлого уже не существует, будущего еще не существует, а настоящее - это лишь мгновение, моментально переходящее в разряд прошлого? Но прошлое продолжает существовать в нашей памяти: «... наша длительность не является

¹⁰⁵ Александров В. Е., Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика / пер. с англ. Н.А. Анастасьева // под ред. Б.В. Аверина, Т.Ю. Смирновой. СПб.: Алетейя, 1999.

¹⁰⁶ Lyaskovets T. Approaching Nabokov with Bergson on Time: Why Spatializing Time? // Kaleidoscope. 2013. V. 5. № 2 URL: <https://community.dur.ac.uk/kaleidoscope/index.php/kaleidoscope/article/view/70> (дата обращения: 08.05.2017)

¹⁰⁷ Mattison L. Nabokov's Aesthetic Bergsonism: An Intuitive, Reperceptualized Time // Mosaic: a journal for the interdisciplinary study of literature. 2013. 46.1. pp. 37–52.

¹⁰⁸ Шапиро А. Концепт памяти в понимании Анри Бергсона и Владимира Набокова // Язык и текст. 2016. Том 3. № 2. С. 31–36.

сменяющимися друг друга моментами: тогда постоянно существовало бы только настоящее, не было бы ни продолжения прошлого в настоящем, ни эволюции, ни конкретной длительности. Длительность — это непрерывное развитие прошлого, вбирающего в себя будущее и разбухающего по мере движения вперед»¹⁰⁹ (отсылка к учению о тройственном настоящем Августина, описанного им в «Исповеди»).

Кроме механической памяти или привычки, прошлое обнаруживает себя в виде, припоминания какого-то события¹¹⁰, например, «воспоминания тех отдельных случаев, когда человек читал стихотворение, причем каждый случай не похож на другие случаи и связан с определенной датой».¹¹¹ Данная цитата отсылает нас к эпизоду в 1 главе «Пнина», в которой с удивительной точностью сообщаются все даты приступов когда-либо посещавших главного героя. С каждым новым приступом Пнин вспоминает и все предыдущие. Этот вид памяти является отнюдь не механическим. Это независимые воспоминания, которые осознаются Пниным только по аналогии со своим настоящим состоянием.

Бергсон считает, что наука стремится заморозить живой поток «чистого времени», привести к элементам, которые можно измерить или изучить аналитически. Подлинная жизнь для Бергсона - это та реальность, в которой материя и дух едины. Дух он связывает с понятием интуиции, которое противопоставляется интеллекту. Сущность интуиции - свобода и творчество, именно благодаря ей человек осознает «чистое время». Математическое или «физическое время» понимаются только при помощи интеллекта, который оперирует исключительно материальными, пространственными или

¹⁰⁹ Бергсон А. Творческая эволюция / Бергсон А. Собрание сочинений в 4 Т. / пер. с. фр. М.: Московский Клуб, 1992. Т. 3. С. 56.

¹¹⁰ Бергсон А. Материя и память // Бергсон А. Собрание сочинений в 4 Т. / пер. с. фр. М.: Московский Клуб, 1992. Т. 1. С. 206.

¹¹¹ Новиков Ю. Концепция времени в философии Анри Бергсона // Метафизика, 2013. №5 (7).

«мертвыми» объектами. Однако, интеллект и интуиция - неразрывны, как пространство и время, и составляют сущность человека.¹¹²

Особенности нашего мышления связаны со особенностями работы нашего мозга. Готовые понятия даются человеку легче, быстрее и усваиваются проще, чем те, которые получены из реального опыта. Иначе говоря, наш интеллект работает по принципу экономии. Реальность и опыт гораздо шире, чем то, что заключено в застывшем понятии. Бергсон полагает, что философия, на протяжении практически всей своей истории повторяла одну и ту же ошибку: заключала в словесный облик понятия, которые не могут быть выражены интеллектуально.¹¹³

Эти идеи пересекаются с философией Карсавина о целостности личности и мыслью Льва Шестова об опасности «общих понятий», которые не могут соотнестись со всей глубиной человеческой индивидуальности или полнотой истории. Но Бергсон намного раньше выразил эту мысль, которая, в свою очередь, нашла отражение сначала в статье Набокова «On Generalities»¹¹⁴, а потом в более объемной «Искусство литературы и здравый смысл»¹¹⁵. Историей управляет случай, который нельзя рационально объяснить или обобщить, это - естественная составляющая чистого времени: «Если всякий человеческий день череда случайностей - и в этом его божественность и сила, - то тем более и человеческая история только случай. Можно сочетать эти случаи, вязать из них аккуратный букет периодов и идей, - но при этом пропадает благоуханность прошлого, - и мы уже видим не то, что было, а то, что мы хотим видеть.»¹¹⁶

Если рассматривать роман «Пнин» сквозь призму философии Бергсона, то можно обнаружить множество параллелей, кроме той, что мы уже упомянули.

¹¹² Новиков Ю. Указ. соч.

¹¹³ Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь. / пер. с фр. И.И. Блауберг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

¹¹⁴ Набоков В. On Generalities // Звезда. 1999. Т. 4. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/4/general.html> (дата обращения: 10.05.2017)

¹¹⁵ Набоков В. Искусство литературы и здравый смысл.

¹¹⁶ Набоков В. On Generalities.

Так мысль о единстве интеллекта и интуиции, математического и «живого» времени оказывается актуальной уже в начале первой главы. На фоне точнейшей хронологии и расписания поездов, которое сообщается до минуты (несомненный признак линейного времени), на глазах читателя время то сужается, то, наоборот, расширяется. Повествователь постоянно делает отсылки к прошлому и снова возвращается к основному сюжету, причем рассказ о прошедших событиях из жизни Пнина порой занимает время куда большее, чем позволяла бы хронология. Так, пока кондуктор идет к вагону, в котором сидит Пнин, нам сообщается о месте его работы, обо всех студентах, записавшихся на курс, об истории его прибытия в Америку, его отношениях с английским языком и еще о целом ряде событий. Время в романе может идти и быстрее, в зависимости от состояния героя. Так происходит во второй главе, после приезда Лизы Винд: «...день, который он предвкушал с таким ярким нетерпением, проходит слишком уж скоро - уходит, и уходит, и скоро совсем пройдет»¹¹⁷.

Пример такой относительности времени можно обнаружить и в романе «Анна Каренина». Так Пнин вслед за Набоковым отмечает разницу «между духовным временем Левина и физическим Вронского»¹¹⁸.

Если убрать эти вставки замедляющие действие (т.н. ретардацию), то от главной истории практически ничего не остается. Большую часть от всего объема романа занимают воспоминания, «припоминания» различных мелочей, отсылки к прошлому - это и есть «чистое время» Бергсона. Линейность или хронологическая точность появляется, когда интеллект (авторский или читательский) разрушает момент «длительности».

Сложная идея «длительности» передается в романе одной фразой: «...он снимал очки, улыбаясь прошлому и одновременно протирая стекла настоящего»¹¹⁹. С другой стороны, переживание прошлого и его воскрешение в

¹¹⁷ Набоков В. Пнин: Роман. С. 86.

¹¹⁸ Там же. С. 197.

¹¹⁹ Набоков В. Пнин: Роман. С. 22.

«длительности» настоящего момента пересекается с идеей Карсавина о «всевременности» личности.

Наряду с линейным и «чистым временем» в романе можно обнаружить связанное с ними циклическое время, которому принадлежат многочисленные повторы. К нему относятся события, которые напоминают Пнину нечто похожее из того, что происходило с ним ранее. Так воздействуют на него предметы, запахи, звуки, определенная последовательность действий. Один из примеров такого припоминания случается, когда Пнин снова встречается с бывшей женой: «Он помог ей сесть в таксомотор, ее яркий шарф зацепился за что-то, Пнин поскользнулся на мостовой, и шофер сказал «легче» и взял у него ее саквояж, и все это было уже когда-то, в этой именно последовательности»¹²⁰ или «Всякий раз, что он проходил мимо посудного шкапа, тот принимался дребезжать, и это тоже было знакомо по смутным задним оттенкам прошлого»¹²¹. Кроме того, цикличность связана с мотивом смерти и воскрешения: «И оттого, что не было точно известно, какой именно смертью умерла Мира, она продолжала умирать в его воображении множеством смертей и множество раз воскресала - чтобы снова умереть»¹²².

Цикличность времени поддерживается и на уровне композиции. Г. Барабтарло в своей книге «Сочинение Набокова» посвящает несколько слов композиционному анализу романа. Структура «Пнина», по его словам, - питон, который укусил свой хвост или «тень хвоста». Роман завершается рассказом о событии, с которого начинается: Пнин обнаруживает, что взял на выступление не ту лекцию. Каждая из глав (кроме первой и седьмой) в свою очередь тоже имеет форму кольца, а все вместе они «стянуты стальными прутьями и приводными ремнями взаимосцепленных тем разной длины, но совершенно разного направления и назначения».¹²³ Так, например, вторая глава открывается

¹²⁰ Там же. С. 85.

¹²¹ Там же. С. 220.

¹²² Там же. С. 204-205.

¹²³ Барабтарло Г. Сочинение Набокова. С. 189.

звоном университетских колоколов, а заканчивается изображением университетской колокольни, а пятая начинается описания лесов, мимо которых проезжает герой, и заканчивается упоминанием «заповедника немецкой культуры» - места, рядом с которым была убита Мира Белочкина.

Как мы уже говорили в предыдущей части данной работы, повторения в романе несут в себе отпечаток творца. Говоря об авторском отражении - повествователе N. - в том числе его манере письма, гости Пнина замечают: «Но не кажется ли вам - хэ - что едва ли не во всех своих романах - хэ - он пытается - хэ - изобразить причудливую взаимосвязь событий?»¹²⁴. А сам герой, дублируя по принципу матрешки повествователя N (своего создателя), а затем и реального автора, хочет написать собственную историю русской культуры, включив в нее те детали, что обычно не удостоиваются внимания исследователя (явная отсылка к Бергсону и Карсавину): «собрание русских курьезов, обычаев, литературных анекдотов и т.п. было бы представлено таким образом, чтобы в нем отразилась в миниатюре la Grande Histoire, Великая Взаимосвязь Событий»¹²⁵.

Еще одна любопытная деталь, которую можно обнаружить в романе: двухлетний Виктор рисует не спирали (как положено всем маленьким детям), а идеальные окружности.

Питон, укусивший свой хвост, как называет композицию романа Барабтарло, или уроборос - один из древнейших символов, который заключает в себе колесо бытия: рождение и смерть, возрождение и единство личности. Построенная таким образом композиция романа, цикличность которого можно увидеть на всех уровнях текста, перекликается с философскими работами Карсавина и Шестова. Смерть как воскрешение личности, постоянное возвращение к прошлому, стремление к цельности своего «Я», - все это подчинено цикличности, бесконечному возвращению, движению по кругу.

¹²⁴ Набоков В. Пнин: Роман. С. 242.

¹²⁵ Там же. С. 118.

4.2. «Пнин» и идея четвертого измерения

Во второй части данного исследования мы говорили о загадочной болезни, преследующей Пнина, о том, что его приступы были похожи на растворение в пространстве. Этому всегда сопутствуют странные видения, в которых он видит своих умерших друзей и родственников в одном ряду с живыми людьми, и погружение в прошлое.

Вместе все эти «симптомы» очень напоминают рассказ Герберта Уэллса «История Платтнера», который был опубликован в 1896 году в «The New Review». Главный герой этого рассказа, двадцатисемилетний Платтнер, исполнял обязанности учителя по многим предметам, в том числе преподавал химию. Однажды, во время одного из своих химических экспериментов, он исчез. Свидетели этого таинственного происшествия утверждали, что его «разнесло на атомы». Платтнер оказывается в мире 4 измерения и начинает видеть странных существ, тени умерших людей, знакомых ему, многие из которых некогда принимали участие в его жизни, а так же постоянно слышит чьи-то невидимые шаги¹²⁶.

Мы не можем с уверенностью сказать, что во время своих приступов Пнин совершает такое же путешествие, как и герой Уэллса. Например, одной из важнейших деталей возвращения Платтнера из другого мира является то, что он оказывается как будто вывернут на изнанку. Все правое в его организме внезапно становится левым. Вместо правши он становится левшой и даже его сердце бьется не с левой стороны, как у обычных людей, а с правой. В «Пнине» этого не происходит. Однако намеки на существование другого измерения в романе все же присутствуют. Например, повествователь так говорит о детях русских эмигрантов: «время от времени они переходили из своего мира в наш в мерцании каких-то промежуточных измерений»¹²⁷.

¹²⁶ Уэллс Г. История Платтнера // Уэллс Г. Собрание сочинений в 12 т. М.: ТЕРРА - книжный клуб; Литература, 2003. С. 346-366.

¹²⁷ Набоков В. Пнин: Роман. С. 180.

Уэллс был не первым автором, который внес в классическую литературу понятие четвертого измерения. Им считается священник и теолог Эдвин Эбботт, который в 1884 году написал книгу «Флатландия. Роман о четвертом измерении с иллюстрациями автора, Квадрата». Упоминание о четвертом измерении можно найти и в новелле Оскара Уайльда «Кентервильское приведение», которое было откликом на увлечение общества конца XIX века этой идеей («дух, прибегнув к четвертому пространственному измерению, поспешно ретировался, исчезнув через деревянную стенную панель»¹²⁸). Но после того, как Уэллс в 1914 году побывал в доме на Большой Морской, четырнадцатилетний Набоков прочитал все его собрание сочинений и, как пишет Б.Бойд, «навсегда сохранил уважение к Уэллсу как мастеру приключенческого романа»¹²⁹, несомненно, испытал на себе его влияние.

После приезда Виктора Пнин видит весьма любопытный сон. Со своим покойным другом Ильей Исидоровичем Полянским он идет вдоль берега, «ожидая прибытия из-за безнадежного моря некоего таинственного избавителя на тархтящей лодке»¹³⁰. Потом Полянский уходит за картой и вместо него Пнин видит приближающиеся следы на песке, оставленные, очевидно, кем-то уже невидимым.

Таинственный незнакомец в лодке должен был выполнять роль проводника в другой мир. Этот эпизод приближен к греческому мифу о Хароне, перевозящем души умерших через реку Стикс. Пнин и Полянский как будто ждут своей очереди, чтобы отправиться в загробный мир, но Илья Исидорович умирает раньше и теперь существует в другом измерении.

П. Д. Успенский в своей книге «Tertium Organum: ключ к загадкам мира», ссылаясь на одно из сочинений Чарльза Уэбстера Лэдбитера, описывает нашу неспособность понять четвертое измерение через следующий пример: «Если

¹²⁸ Уайльд О. Кентервильское приведение // Уайльд О. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Эксмо, 2014. С. 288.

¹²⁹ Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография / перев. с англ. М. СПб.: Издательство «Симпозиум», 2010. С. 212.

¹³⁰ Набоков В. Пнин: Роман. С. 168.

мы прикоснемся к поверхности стола кончиками пяти пальцев одной руки, то на поверхности стола будут только пять кружков, и *на этой поверхности* нельзя составить никакой идеи о руке и о человеке, которому принадлежит эта рука. <...> Как представить себе по ним человека, со всем богатством его физической и духовной жизни? Это невозможно. <...> Мы видим только «кончики пальцев», потому для нас и непостижимо четвертое измерение»¹³¹.

Будь у Успенского и Ледбитера возможность прочитать «Пнина», они несомненно могли бы привести пример и со следами Полянского на песке.

Успенский немного иначе говорит о том, что Бергсон называет «длительностью». Все, что происходит сейчас, моментально становится прошлым. Но если так, то времени как такового вообще не существует. Но мы живем, мыслим, чувствуем, то есть все-таки осуществляем действия более или менее длительные, а это значит, что в нашем понимании времени есть какая-то ошибка. По Успенскому каждый человек - слепой, который познает мир при помощи пяти органов чувств, но на самом деле не видит истину. Только наша мысль может подняться над плоскостью и увидеть прошлое, настоящее и будущее одновременно. То измерение, в котором все 3 времени существуют одновременно, и будет называться четвертым.

Единственная версия прошлого для научного мира всегда была достоверной, как и относительная неопределенность будущего. Но Успенский отмечает, что кроме случившихся событий, в прошлом находятся и те, которые могли бы произойти, но не произошли. Таким образом он уравнивает в правах эти два времени: «Прошедшее и будущее одинаково не определены, одинаково существуют во всех возможностях и одинаково существуют одновременно»¹³². Игра с читателем, свидетелями которой мы становимся в последней главе, когда версии прошлого повествователя N. и Пнина не сходятся, может быть одной из иллюстраций к этому утверждению Успенского. Диссонанс от несоответствия слов повествователя и Пнина происходит оттого, что мы привыкли к

¹³¹ Успенский П.Д. Tertium Organum: Ключ к загадкам мира. М.: «Издательство ФАИР», 2010. С. 56.

¹³² Там же. С. 66.

традиционному представлению о времени, в котором прошлое определено. Но как можно заметить, в романе эта категория оказывается достаточно субъективной.

Человек, в силу своих физических возможностей, наделен способностью воспринимать лишь три измерения. Но все же иногда он способен уловить «мерцание иных измерений» сквозь узкую «щель в пространстве».

В одном из эпизодов романа Пнин читает лекцию об уже упомянутом нами стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных». Причем его слова о Пушкине можно отнести и нему самому: «Пушкин описывает свою всегдашнюю несчастную привычку - где бы он ни был, чем бы ни был занят - предаваться мыслям о смерти и кропотливо исследовать каждый прожитый день, пытаясь угадать в его тайном значении некую «грядущую годовщину»: день и месяц, которые когда-нибудь появятся на его надгробном камне»¹³³.

Если читать этот эпизод, опираясь на Успенского, то выходит, что лирический герой Пушкина, точно так же как и Пнин, действительно может увидеть свое будущее сквозь «щель в пространстве». Ведь в 4 измерении все три времени существуют одновременно и составляют, как доказывает Успенский, еще одну пространственную плоскость.

Не это ли тот вопрос, который мучает Пнина во время его приступов и ключ к которому он пытается найти? «В бою ли, в странствии, в волнах? На кампусе ли в Вэйнделе?»¹³⁴. Возможно, это попытка заглянуть в будущее, узнать, какая дата будет стоять на его собственном надгробном камне.

В рассказе «Terra Incognita» повествователь тоже начинает видеть проблески других измерений. Находясь при смерти, он одновременно совершает путешествие сквозь пространство и время¹³⁵. Пнин точно так же оказывается в своем детстве, когда возвращается загадочная болезнь. А благодаря воспоминаниям (то есть объединению в моменте «длительности»

¹³³ Набоков В. Пнин: Роман. С. 105.

¹³⁴ Там же. С. 114.

¹³⁵ Набоков В. Terra Incognita // Набоков В. Полное собрание рассказов / сост. А. Бабинов. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. С. 306-331.

прошлого и настоящего) граница между мирами стирается: «Выстроенная в его памяти вся эта череда комнат казалась теперь выставкой расставленных на показ кресел, кроватей, ламп, каминов, которые, игнорируя все различия в пространстве и времени, сошлись теперь все вместе...»¹³⁶.

Успенский говорит о том, что время и пространство равны и вместе составляют нашу Вселенную. Бергсон утверждает, что настоящая реальность достижима благодаря единству интеллекта и интуиции, которые у него отвечают за «физическое» и «чистое время», а они, в свою очередь, за понимание категорий пространства и времени. По сути, все философы, которых мы упоминали, включая Карсавина и Шестова так или иначе говорят об одном и том же - о цельности, будь это собрание личности или единство Вселенной. Роман «Пнин» - своеобразная метафора этой цельности, в которой объединяется пространство и время, прошлое, настоящее и будущее, автор, повествователь и герой.

Заключение

В силу того, что «Пнин» изначально задумывался как собрание рассказов, объединенных одним героем, форма опубликованного романа (состоящего из

¹³⁶ Набоков В. Пнин: Роман. С. 97.

отдельных историй в 7 главах) продолжала намекать читателям, критикам и исследователям на историю его создания. Ранее отдельные главы были опубликованы в *The New Yorker*, где текст о профессоре Пнине соседствовал с забавными сатирическими картинками, которые являются одной из характерных черт журнала. Возможно именно поэтому читатели восприняли роман как нечто поверхностное и юмористическое.

Набоков добавил немало деталей, чтобы отдельные элементы соединились в цельное произведение. Исследователи не раз отмечали те мотивы, которые «стальными прутьями» соединяют текст романа. Но чтобы проследить превращение «Пнина» из одной формы в другую, более крупную, нужно было сравнить журнальную и книжную версии. Мы обнаружили, что в главах, которые были опубликованы в журнале *The New Yorker* отсутствуют многие эпизоды, которые постепенно подготавливают читателя к появлению повествователя в последней главе. Кроме того, в первоначальном замысле отсутствовала связь между сюжетной линией Белочкиных и мотивом белки. Но самым интересным открытием стала разница в датировке событий в журнальных главах и в романе. Благодаря этому мы смогли выяснить, что изначально некоторые события «Пнина» хронологически располагались в другом порядке. Набоков был очень внимателен к деталям, поэтому методично проверял каждую дату в зависимости от замысла романа. Но особенно явно на этом примере прослеживается особое отношение Набокова к теме времени.

Все приступы, которые случались с Пниным, привязаны к определенной дате и связаны с возвращением героя в свое прошлое, с переживанием похожих событий. Пнин оказывается на границе между жизнью и смертью, прошлым и настоящим. Так он видит среди слушателей лекции своих умерших друзей и родственников. Мотивы болезни и смерти в романе тесно связаны с мотивом воспоминания (еще одна составляющая темы времени). Если смотреть на роман сквозь философию Льва Карсавина о триединстве, то приступы, которые отсылают героя к собственному прошлому, одновременно и воскрешают его. При помощи воспоминания, которое лежит в основе мысли Карсавина, объединяется «Я» прошлое и «Я» настоящее, что приводит к собранию

личности, вызыванию самого себя из небытия. Пнин страшится воспоминаний о своей погибшей возлюбленной Мире. Белка, которая преследует Пнина (и образ которой находится на пересечении мотивов болезни, смерти и воспоминания) - своеобразный авторский паттерн, который должен напомнить герою о его прошлом, привести к целостности его личность.

Подводя своих героев к краю пропасти, автор как будто сам стремится найти ответ на мучивший его вопрос. Только на пороге смерти человек может заглянуть за край этого мира. В романе не раз возникает мысль Льва Шестова о «предсмертии», о том, что смерть - это не конец жизни, а ее продолжение («каждому судьбой на свой особый час будильник был поставлен»¹³⁷).

«Пнин» - это роман об отношении человека со временем. В романе пересекаются линейное время, благодаря которому осуществляется четкая хронология событий, «чистое время» Бергсона и связанное с ним циклическое, которое обнаруживает себя в ряду повторяющихся воспоминаний. В свою очередь, вся композиция романа оказывается подчинена этой цикличности, бесконечному повторению. Это вечное движение героя по кругу, внутри чужого произведения и его возвращение в «Бледном огне» - дар и наказание одновременно. С одной стороны, автор выделяет Пнина среди прочих героев, которые, подобно Лужину, умирают, приблизившись к разгадке тайны бытия. С другой - он отчасти принадлежит миру мертвых. Только воспоминания о России его детства, о тех, кто его покинул, являются спасательным кругом в чуждой для него американской культуре. Возможно именно поэтому Пнин так стремится узнать дату своей смерти.

Таким образом, благодаря теме времени роман наделяется глубоким философским звучанием, а целостность «Пнина» проявляется на нескольких уровнях: на персонажном (как отражение философии Карсавина о единстве личности) и на уровне всего текста.

Тема времени и связанные с ней мотивы болезни и воспоминания присутствуют во многих рассказах и романах В.Набокова («Защита Лужина»,

¹³⁷ Набоков В. Пнин: Роман. С. 247.

«Смотри на Арлекинов!», «Ultima Thule», «Terra Incognita» и т.д.). Надеемся, что данное исследование послужит началом более объемной работы на эту тему.

Список использованной литературы

I.

Источники

1. Набоков В. Пнин: Роман / пер. с англ. Г. Барабтарло при уч. В. Набоковой. СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2009.

2. Набоков В. Пнин / пер. с англ. С. Ильина // Набоков В. Собрание сочинений американского периода в 5 т. СПб.: Симпозиум, 1993.
3. Nabokov V. Pnin. London.: Penguin Modern Classics, 2010.
4. Nabokov V. Pnin // The New Yorker. 1953. Nov. 28. pp. 42-48.
5. Nabokov V. Pnin's Day // The New Yorker. 1955. Apr. 23. pp. 31-38.
6. Nabokov V. Victor Meets Pnin // The New Yorker. 1955. Oct. 15. pp. 38-45.
7. Nabokov V. Pnin Gives A Party // The New Yorker. 1955. Nov. 12. pp. 46-54.

II. Научная и критическая литература

8. Аверин Б. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: ООО «Издательство «Пальмира»; ООО «Книга по требованию», 2016.
9. Александров В. Е., Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика /пер. с англ. Н.А. Анастасьева // под ред. Б.В. Аверина, Т.Ю. Смирновой. СПб.: Алетейя, 1999.
10. Барабтарло Г. Сочинение Набокова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.
11. Бергсон А. Избранное: Сознание и жизнь / пер. с фр. И.И. Блауберг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
12. Бергсон А. Материя и память // Бергсон А. Собрание сочинений в 4 Т. / пер. с. фр. М.: Московский Клуб, 1992. Т. 1.
13. Бергсон А. Творческая эволюция / Бергсон А. Собрание сочинений в 4 Т. / пер. с. фр. М.: Московский Клуб, 1992. Т. 3.
14. Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография / перев. с англ. М. СПб.: Издательство «Симпозиум», 2010.
15. Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография / перев. с англ. М. СПб.: Издательство «Симпозиум», 2010.
16. Джонсон Д.Б. Миры и антимирy Владимира Набокова / пер. с англ. СПб.: Издательство «Симпозиум», 2011.
17. Дюбанкова О.Н. Восприятие В.Набокова в русской критике (1921-1991). М.: Издательство ИКАР, 2008.

18. Интервью Альфреду Appelю, сентябрь 1966г. // Набоков В. Собрание сочинений американского периода в 5 т. СПб.: Симпозиум, 1993. Т. 5. С. 589-622.
19. Карсавин Л. Религиозно-философские сочинения. СПб.: Ренессанс, 1992.
20. Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии / под ред. Н.Г.Мельникова. Сост., подг. текста Н.Г. Мельников, О.А. Коростелев. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
21. Мельников Н. Портрет без сходства. Владимир Набоков в письмах и дневниках современников (1910-1980-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2013.
22. Набоков В. Искусство литературы и здравый смысл // Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. С. 491-506.
23. Набоков В. Защита Лужина // Набоков В. Собрание сочинений русского периода в 5 т. СПб.: Симпозиум, 2008. Т. 3. С. 307-556.
24. Набоков, В. Лекции по русской литературе / Пер. с англ. С.Антонова, Е.Голышевой, Г.Дашевского и др. СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010.
25. В. Набоков: Pro et Contra в 2 Т. / сост. Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долинина; коммент. Е. Белодубровского, Г. Левинсона, М. Маликовой, В. Новикова; библиогр. М. Маликовой. СПб.: РХГИ, 1997.
26. Набоков В. Terra Incognita // Набоков В. Полное собрание рассказов / сост. А. Бабиков. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. С. 306-331.
27. Набоков В., Уилсон Э. Дорогой Пончик. Дорогой Володя: Переписка. 1940-1971. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2013.
28. Новиков Ю. Концепция времени в философии Анри Бергсона // Метафизика, 2013. №5 (7).
29. Роупер Р. Набоков в Америке. По дороге к «Лолите» / перев. с англ. Ю. Полещук. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2017.

30. Тамми П. Поэтика даты у Набокова / перев. с англ. М.Маликовой // Старое литературное обозрение. 2001, 1(277).
31. Томашевский Б. Поэтика: Краткий курс. М., 1996.
32. Уайльд О. Кентервильское приведение // Уайльд О. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Эксмо, 2014. С. 281-315.
33. Успенский П.Д. Tertium Organum: Ключ к загадкам мира. М.: «Издательство ФАИР», 2010.
34. Уэллс Г. История Платтнера // Уэллс Г. Собрание сочинений в 12 т. / пер. с англ. М.: ТЕРРА - книжный клуб; Литература, 2003. С. 346-366.
35. Хрущева Н. В гостях у Набокова. М.: Время, 2008.
36. Шапиро А.Е. «Звук и отзвук». Обзор критической мысли о творчестве Владимира Набокова // Язык и текст. 2014. №1. С. 52-56
37. Шапиро А. Концепт памяти в понимании Анри Бергсона и Владимира Набокова // Язык и текст. 2016. Том 3. № 2. С. 31–36.
38. Шестов Л. На весах Иова (Странствования по душам) // Шестов Л. Сочинения в двух томах. М.: Наука, 1993. Т. 2.
39. Шраер М. Почему Набоков не любил писательниц? // Дружба народов. №11. 2000.
40. Barabtarlo G. Beautiful Soup: Psychiatric Testing in «Pnin» // The Nabokovian, Spring 1988. №20. pp. 36-44.
41. Barabtarlo G. Calendar in «Pnin». // The Vladimir Nabokov Research Newsletter, Spring 1984. №12. pp. 44-50.
42. Barabtarlo G. Phantom of fact : A guide to Nabokov's Pnin. Ann Arbor: Ardis, 1989.
43. Diment G. Timofey Pnin, Vladimir Nabokov, and Marc Szeftel // Nabokov Studies. 1996. Т. 3. №. 1. pp. 53-75.
44. Diment, Galya. Pniniad: Vladimir Nabokov and Marc Szeftel. Seattle: University of Washington Press, 1997.
45. Julian W. Connolly «Pnin: The Wonder of Recurrence and Transformation» // Nabokov Fifth Arc. / ed. By J.E. Rivers and Charles Nicol, Austin: University of Texas Press, 1982. pp. 195-210.

46. Mattison L. Nabokov's Aesthetic Bergsonism: An Intuitive, Reperceptualized Time // Mosaic: a journal for the interdisciplinary study of literature. 2013. 46.1. pp. 37–52.
47. Nicol C. Pnin's History // Novel: A Forum on Fiction. Duke University Press, 1971. Т. 4. №. 3. pp. 197-208.
48. Paul Grams «Pnin: The Bigrapher as Meddler» // A Book of Things about Vladimir Nabokov/ ed. Carl R. Proffer. Ann Arbor, MI: Ardis, 1974. pp. 193-202.
49. Rowe, W. W. Pnin's Uncanny Looking Glass // A Book of Things about Vladimir Nabokov / ed. Carl R. Proffer. Ann Arbor, MI: Ardis, 1974. pp. 182-192.
50. Senderovich s. Shvarts Y. The Tongue, That Punchinello: A Commentary on Nabokov's Pnin // Nabokov Studies. 2004. №8. pp. 23-41.
51. William Carroll «Nabokov's Signs and Symbols» // A Book of Things about Vladimir Nabokov / ed. Carl R. Proffer. Ann Arbor, MI: Ardis, 1974. pp. 203-217.
52. 1957-й год. О новом романе Набокова «Пнин» // Радио «Свобода» [сайт]. URL: <http://www.svoboda.org/a/1566016.html> (дата обращения: 11.10.2016).
53. Берберова Н. «Набоков и его «Лолита» URL: http://www.imwerden.info/belousenko/books/Berberova/berberova_nabokov.htm (дата обращения 10.11.2016).
54. Набоков В. On Generalities // Звезда. 1999. Т. 4. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/4/general.html> (дата обращения: 10.05.2017).
55. Chow M. Pnin: Misplaced Person // The Cornell Daily Sun. URL: <http://cdsun.library.cornell.edu/cgi-bin/cornell?a=d&d=CDS19570409-01.2.19&e=-----20--1> (дата обращения: 28.10.2016).

56. Poor Ch. Books Of The Times // The New York Times. March 7, 1957. URL: <http://www.nytimes.com/books/97/03/02/lifetimes/nab-r-pnin.html> (дата обращения: 28.10.2016).
57. Lyaskovets T. Approaching Nabokov with Bergson on Time: Why Spatializing Time? // Kaleidoscope. 2013. V. 5. № 2 URL: <https://community.dur.ac.uk/kaleidoscope/index.php/kaleidoscope/article/view/70> (дата обращения: 08.05.2017)